

Уильям Теккерей

Базар житейской суеты.

Часть 1

Уильям Теккерей

Базар житейской суеты. Часть 1

«Public Domain»

1848

Теккерей У. М.

Базар житейской суеты. Часть 1 / У. М. Теккерей — «Public Domain», 1848

Произведение дается в дореформенном алфавите. «Занавѣсь поднимается – просимъ покорнѣйше! Когда режиссеръ кукольной комедіи сидитъ передъ занавѣсомъ на подмосткахъ, чувство глубокой печали овладѣваетъ его душою при взглядѣ на обширную площадь Базара. Чего тутъ нѣтъ? Человѣчество ѣстъ и пьетъ напрапалу; плачетъ и смѣется, куритъ, надуваетъ, пляшетъ, прыгаетъ и гудитъ на скрипкѣ. Забѣяки даютъ подзатыльники другъ другу, площадные франты заглядываютъ подъ шляпки женщинъ, мошенники вытаскиваютъ платки, шарлатаны ревутъ передъ своими балаганами, ротозѣи глядятъ на мишурныхъ плясунувъ и размалеванныхъ паяцовъ, между-тѣмъ какъ промышленники чужой собственностью практикуются подъ открытымъ небомъ около джентльменскихъ кармановъ и дамскихъ ридикюлей. Вотъ вамъ истинный Базаръ Житейской Суеты, – мѣсто, конечно, не слишкомъ веселое; хотя шумное и разгульное. Взгляните на лица всѣхъ этихъ паяцовъ и актеровъ, когда они удаляются со сцены: Оомка Дуракъ смываетъ румяны съ своего лица и садится за столъ въ обществѣ своей жены и маленькаго пузыря, Ваньки Пуддинга...»

Содержание

Отъ издателей	5
Предисловіе Автора	7
Глава I	9
Глава II	14
Глава III	20
Глава IV	26
Глава V	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Уильям Теккерей

Базар житейской суеты. Часть первая

Отъ издателей

Вильямъ Мэкписъ Теккерей, сынъ гражданскаго чиновника (civil servant) ост-индской компаніи, родился въ Калькуттѣ, въ 1811 году. Лишившись своего отца еще въ дѣтствѣ, онъ былъ отправленъ въ Лондонъ, гдѣ получилъ сперва воспитаніе въ частномъ пансіонѣ, а потомъ въ Чартергаузѣ и въ кембриджскомъ университетѣ. Варбуртонъ, Кинглекъ и Монктонъ Милнисъ были его товарищи по университету. Мальчикъ бойкій, рѣзвый и остроумный, испыталъ много непріятностей въ первыхъ двухъ школахъ,

Мать Теккерей, молодая вдова, вышла замужъ во второй разъ. Это была женщина рѣдкой красоты, съ рѣдкимъ умомъ, до страсти любившая своего единственнаго сына. Получивъ послѣ своего отца около тысячи фунтовъ годоваго дохода, и надѣясь въ послѣдствіи сдѣлаться наслѣдникомъ своего отчима, молодой человѣкъ, вырвавшись изъ школы, безпечный, веселый, окруженный удовольствіями всякаго рода, съ жадностью принялся за чтеніе историковъ и романістовъ, вовсе не разсчитывая сдѣлаться когда-нибудь замѣчательнымъ дѣятелемъ на поприщѣ литературы. Въ эту пору было у него одно занятіе – рисовать каррикатуры, болѣе или менѣе забавныя въ глазахъ его пріятелей. Проживъ около года въ небольшомъ нѣмецкомъ городкѣ, онъ воротился въ Лондонъ, думая приготовить себя къ дипломатическому поприщу. Но юридическія занятія, среди разгульной жизни, подвигались впередъ очень медленно и неуспѣшно, между тѣмъ какъ его кошелекъ истощался и пустѣлъ съ замѣчательною быстротою. Въ двадцать три года; Вильямъ Мэкписъ Теккерей не имѣлъ уже почти ничего, и впереди представлялась ему перспектива, тѣмъ болѣе печальная, что имѣніе его фамиліи съ каждымъ годомъ разстроивалось больше и больше. Надлежало серьезно подумать о средствахъ къ независимому существованію. Вспомнивъ о своихъ занятіяхъ въ первой молодости, мистеръ Теккерей рѣшился усовершенствовать себя въ живописи, и съ этой цѣлью отправился въ Парижъ, гдѣ написалъ нѣсколько посредственныхъ картинъ акварелью. Между тѣмъ его отчимъ основалъ въ Лондонѣ газету «the Constitutional»; которая не имѣла въ публикѣ никакого успѣха и поглотила большую часть его капиталовъ. Молодой Теккерей, женившійся въ Парижѣ на Ирландкѣ изъ порядочной фамиліи, естественно, сдѣлался парижскимъ корреспондентомъ своего отчима. Этотъ первый шагъ на литературномъ поприщѣ, незначительный и скромный самъ по себѣ рѣшили однакожь навсегда судьбу даровитаго юноши, который первый разъ угадалъ свое настоящее назначеніе.

Само-собою разумѣется, что наблюденіе и опытность, существенныя условія для каждаго писателя съ талантомъ, и особенно для романиста, который возсоздаетъ въ своихъ произведеніяхъ прошедшую или современную жизнь. Чѣмъ больше вы видите людей, и чѣмъ больше имѣете точекъ для сравненія между ними, тѣмъ вѣрнѣе можете рисовать современные нравы, различные не только въ каждомъ народѣ, но и въ каждомъ обществѣ; даже въ каждой семьѣ. Напротивъ, вы можете получить отъ природы огромный литературный талантъ, и, однакожь, не написать ничего порядочнаго, если судьба опредѣлила вамъ съ утра до ночи сидѣть въ своемъ кабинетѣ среди груды книгъ, которыя, безъ столкновенія съ людьми и безъ повѣрки вычитанныхъ наблюденій, будутъ имѣть для васъ значеніе мертвой буквы. Гораціи Валльполь въ Англіи, князь Вяземскій въ Россіи, оба въ различныя времена, но тотъ и другой съ одинаковой отчетливостію, развили эту мысль, одинъ въ перепискѣ съ графиней Оссори, другой въ своемъ сочиненіи о Фон-Визинѣ. Если съ этой точки смотрѣть на призваніе современнаго писателя, то можно было даровитому Теккерейю съ самаго начала предсказать блистательный успѣхъ. Горизонтъ его литературныхъ наблюденій былъ и есть гораздо обширнѣе, чѣмъ, Вальтеръ-Скотта.

Рожденный на берегах Ганга и бросаемый по воле судьбы, из одной страны в другую, он, как новый Эней, испытал самые разнообразные приключения на суше и морях. Парижские и лондонские клубы с их многочисленными отгънками, знакомы ему столько же, как музыкальные вечера на Рейне и поэтические мастерские итальянских художников. Много испытал он, много чувствовал, много терпел и в этом смысле, сочинения Теккерей могут быть отчасти названы собственными опытами его жизни.

После мелких и незначительных статей, напечатанных в газете отчима, г. Теккерей отправил в Frazer's Magazine небольшой роман под оригинальным заглавием: «Papers by Mr. Yellowplush». Затем он написал несколько критических статей для газеты «Times», и через несколько времени поместил в Frazer's Magazine сатирическую повесть «Catharine», направленную против ложной и лицемерной филантропии, распространившейся в ту пору в Англии. Лондонская публика сочла это пустым фарсом, и не обратила никакого внимания на молодого писателя. В это время семейное несчастье постигло г. Теккерей: он поехал в Ирландию, и потерял на дороге свою жену, которая сошла с ума. Наступила для него опять тяжелая пора, и только великодушные журналисты; издателя Frazer's Magazine, с которым он поссорился, выручили его из затруднительного положения. Журналисты открыли ему свой кошелек, и вместе с тем возможность продолжать литературные труды. Скоро г. Теккерей сделался усердным сотрудником журнала «Punch» где между прочим поместил он прекрасную повесть. «The History of Samuel Titmarsh and the great hoggart diamond». Здесь под именем Титмарша обрисовал он отчасти свои собственные похождения. В этом же журнале помещены одна за другою: «Irish sketchbook», «Book of Snobs» и «James's Diary». В 1845 году, по возвращении из путешествия на Восток и в Италию, он, под именем Титмарша издал комический дневник: «Notes of Journey from Rornhill to Cairo», где осмелял своих собратьев-туристов, наполняя их путевые записки высокопарными картинами. Лондонская публика опять довольно холодно приняла эту остроумную пародию, и, повидимому, не замечала таланта в своем сатирикѣ. Г. Теккерей, чуждый всякого притязания на философский тон, выдавал себя за доброго малаго, за веселого повѣсу, каким его и считали – ни больше, ни меньше.

Наконец в 1847 году произошел решительный кризис в литературной судьбе английского сатирика. В это время; как известно нашим читателям, издавался в Лондоне небольшими ливрезолами великодушный роман Диккенса: «Домби и Сын»; и в это же время мистер Теккерей точно такими же ливрезолами печатал свой новый роман: «Vanity Fair» – «Базар Житейской Суеты». Внимание публики в одинаковой степени заинтересовалось этими двумя произведениями, и тогда только английская критика оцѣнила достойным образом своего нового романиста. Немногие из произведений современной литературы пользуются в Англии такою народностью, как «Базар Житейской Суеты»: его читают и перечитывают во всех сословиях, потому-что роман этот, по своему образу изложения равно интересен и доступен для всех классов общества. Печатаемая предисловие ко второму изданию Базара, автор, называя себя режиссером театра, имел полное право благодарить английскую публику за то горячее участие, с каким они встрѣтили это замѣчательное произведение, равное, по своим достоинствам, лучшим романам Вальтер-Скотта. Предлагая этот роман вниманию русской образованной публики, «Галерея» надеется в непродолжительном времени познакомить своих читателей с двумя последними произведениями Теккерей: «Пенденнис» и «История Генриха Эсмонда.»

Предисловіе Автора

Занавѣсъ поднимается – просимъ покорнѣйше!

Когда режиссеръ кукольной комедіи сидитъ передъ занавѣсомъ на подмосткахъ, чувство глубокой печали овладѣваетъ его душою при взглядѣ на обширную площадь Базара. Чего тутъ нѣтъ? Человѣчество ѣсть и пьетъ напрапалую; плачетъ и смѣется, курить, надуваетъ, пляшетъ, прыгаетъ и гудитъ на скрипкѣ. Забіяки даютъ подзатыльники другъ другу, площадные франты заглядываютъ подъ шляпки женщинъ, мошенники вытаскиваютъ платки, шарлатаны ревутъ передъ своими балаганами, ротозѣи глядятъ на мишурныхъ плясунуовъ и размалеванныхъ паяцовъ, между-тѣмъ какъ промышленники чужой собственностью практикуются подъ открытымъ небомъ около джентльменскихъ кармановъ и дамскихъ ридикюлей. Вотъ вамъ истинный Базаръ Житейской Суеты, – мѣсто, конечно, не слишкомъ веселое; хотя шумное и разгульное. Взгляните на лица всѣхъ этихъ паяцовъ и актеровъ, когда они удаляются со сцены: Өмка Дуракъ смываетъ румяны съ своего лица и садится за столъ въ обществѣ своей жены и маленькаго пузыря, Ваньки Пуддинга. Но вотъ занавѣсъ поднимается: Өмка бросилъ ложку, перекувыркнулся и закричалъ:

– Эй, почтеннѣйшая публика! Каково живешь-поживаешь?

Человѣкъ мыслящій, гуляя по выставкѣ этого разряда, не слишкомъ возрадуется духомъ, и не будетъ черезчуръ подавленъ веселостію своихъ ближнихъ. Здѣсь и тамъ, въ видѣ эпизодовъ, онъ найдетъ, конечно, довольно-забавныя сцены въ юмористическомъ или трогательномъ родѣ: встрѣтитъ хорошенькое дитя; облизывающееся на инбирную коврижку; молодую стыдливую дѣвушку подъ-руку съ женихомъ, который покупаетъ ей подарокъ; Өмку Дурака, доѣдающаго, за своей фурой, черствую корку хлѣба, и окруженнаго семействомъ, которое онъ кормитъ своими кривляньями на балаганныхъ подмосткахъ; – при всемъ томъ, общая картина нагонитъ скорѣе печаль, чѣмъ навѣетъ веселье на вашу душу. Вы прійдете домой, сядете за письменный столъ и углубитесь въ свои занятія, въ трезвомъ и созерцательномъ расположеніи духа.

Другой мысли я не имѣлъ въ виду на своемъ «Базарѣ Житейской Суеты». Многія особы находятъ вообще неумѣстными всякіе базары, и настойчиво уклоняются отъ нихъ съ своими семействами и прислугой: хорошо это или дурно, судить не могу. Но рѣчь моя обращается собственно къ той почтеннѣйшей публикѣ, которая любитъ по временамъ, для развлеченія, посмотреть и полюбоваться на продѣлки своихъ ближнихъ. Настоящая комедія составлена въ ея вкусѣ. Есть тутъ сцены всякаго рода: страшныя битвы, гимнастическія эволюціи, сцены изъ моднаго свѣта, картины изъ средняго круга; любовныя приключенія и комическіе эпизоды. Все это обставлено приличными декораціями, и блистательно освѣщено собственными свѣчами автора.

Раскланиваясь съ почтеннѣйшей публикой, режиссеръ спектакля считаетъ своею обязанностью принести ей чувствительную благодарность за то участіе, съ какимъ она принимала сей кукольный театръ, успѣвшій уже объѣхать главнѣйшіе города трехъ соединенныхъ королевствъ. Режиссеру пріятно думать, что маріонетки его, благодаря содѣйствію типографскихъ станковъ, повсюду доставляли удовольствіе. Знаменитая малютка Бекки Кукла, по общему признанію, обнаружила необыкновенную гибкость въ членахъ и бѣгала по проволочкѣ съ удивительнымъ искусствомъ; Амелія Игрушка понравилась не очень многимъ, но, во всякомъ случаѣ, художникъ старался отдѣлать и одѣть ее съ большою тщательностію; неуклюжая Фигура Доббинъ, по отзывамъ знатоковъ, выплясываетъ очень забавно и совершенно натурально. Мальчики Маріонетки заслужили также одобреніе весьма многихъ особъ.

Послѣ всего этого, режиссеръ свидѣтельствуетъ публикѣ глубочайшее почтеніе, и еще разъ имѣетъ честь извѣстить, что занавѣсъ поднимается. Просимъ покорнѣйше!

Лондонь.
Юня 28, 1848.

Глава 1

Чизвиккскій проспектъ

Это было въ достославную эпоху первыхъ годовъ второго десятилѣтія девятнадцатаго вѣка.

Въ одно прекрасное іюньское утро, къ большимъ желѣзнымъ воротамъ «Благородной для дѣвицъ Академіи миссъ Пинкертонъ» подъѣхала большая фамиллярная коляска съ двумя жирными конями въ блестящей сбруѣ и съ огромнымъ, жирнымъ кучеромъ въ парикѣ и треугольной шляпѣ. Черный слуга, покоившійся на козлахъ подлѣ жирного кучера, растопырилъ свои косолапыя ноги въ ту минуту, какъ экипажъ поверстался съ блестящей мѣдной доской заведенія миссъ Пинкертонъ, и лишь-только потянулъ онъ къ колокольчику свою дюжюю руку, дюжины полторы молодыхъ головъ высунулись изъ узкихъ оконъ джентльменского старинного кирпичного дома. Но между этими головками внимательный наблюдатель безъ труда угадалъ бы красный носъ, принадлежавшій миссъ Джемимѣ Пинкертонъ, младшей сестрицѣ «Основательницы Академіи для молодыхъ дѣвицъ».

– Посмотрите-ка сюда, сестрица, сказала миссъ Джемима Пинкертонъ, это, кажется, коляска мистриссъ Седли. Я угадала Самбо, черного слугу, и кучера въ новомъ красномъ жилетѣ.

– Окончены ли всѣ необходимыя приготовления къ отъѣзду дѣвицы Седли, миссъ Джемима? спросила сама миссъ Пинкертонъ; величественная леди, Семирамида между профессорами женскаго пола, искренняя пріятельница самого доктора Джонсона, и постоянный корреспондентъ даже самой мистриссъ Чепонъ.

– Дѣвицы встали сегодня въ четыре часа утра, и ужь, я думаю, уложили свои вещи, сестрица. Мы приготовили для нея прощальный пучокъ цвѣтовъ.

– Должно говорить: «прощальный букетъ» въ благородномъ слогѣ. Замѣть это, сестра.

– Очень хорошо. Мы приготовили для нея прощальный букетъ величиною съ копну сѣна. Я положила въ ящикъ Амеліи двѣ бутылки гвоздичной воды для мистриссъ Седли и подробный рецептъ, какъ ее готовить.

– И я надѣюсь, миссъ Джемима, вы приготовили также копію съ денежнаго счета касательно миссъ Седли. Не забудьте: девяносто три фунта стерлинговъ и четыре шиллинга. Адресуйте: «господину Джону Седли, на Россель-Скверѣ», и потрудитесь также запечатать это письмо, написанное мною къ его супругѣ.

Автографъ письма миссъ Пинкертонъ, въ глазахъ сестрицы ея, Джемимы, былъ предметомъ глубочайшаго благоговѣнія, наравнѣ съ писаніемъ какого-нибудь знаменитого принца. Только въ томъ случаѣ, когда воспитанницы оставляли заведеніе, или выходили замужъ, миссъ Пинкертонъ изволила писать персонально; и разъ еще, когда бѣдная миссъ Перчъ умерла отъ скарлатины, миссъ Пинкертонъ собственноручно извѣстила ея родителей объ этомъ плачевномъ приключеніи въ такихъ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ, что они, по мнѣнію миссъ Джемимы, должны были совершенно утѣшиться въ потерѣ своей дочери.

На этотъ разъ, миссъ Пинкертонъ благоизволила писать:

Чизвиккскій проспектъ. Іюня 15. 18...

«Милостивая государыня, имѣю честь извѣстить, что миссъ Амелія Седли, послѣ шестилѣтняго пребыванія подлѣ моимъ вѣдомствомъ въ «Академіи благородныхъ дѣвицъ», препровождается, наконецъ, къ ея родителямъ, какъ молодая леди, достойная занять приличное мѣсто въ благородномъ и образованномъ кругу. Всѣ добродѣтели, характеризующія молодую Англичанку, аристократку по происхожденію и чувствамъ, всѣ

таланты, приличные ея положенію въ обществѣ, соединены въ достолюбезной миссъ Седли, которая своимъ прилежаніемъ и послушаніемъ пріобрѣла общую любовь наставниковъ, и кротостью своего характера снискала горячую привязанность своихъ взрослыхъ и молодыхъ подругъ.

«Въ музыкѣ, танцахъ и англійской орѳографіи, во всѣхъ родахъ шитья и вышиванья, миссъ Седли оказала похвальные успѣхи, и удовлетворила *пламеннымъ ожиданіямъ* своихъ друзей. Относительно географіи еще многого остается желать впереди, равно какъ рекомендуется при семь тщательное употребленіе желѣзного корсета въ продолженіе первыхъ трехъ лѣтъ, для сообщенія миссъ Седли совершенно прямой талии и возвышенной осанки, столько необходимой для всякой молодой леди изъ высшаго круга.

«Относительно правилъ религіи и нравственной философіи, миссъ Седли оказалась вполне достойною заведенія, которое нѣкогда благоволилъ почтить своимъ присутствіемъ и лестнымъ одобреніемъ самъ докторъ Джонсонъ, *великій лексикографъ*. Оставляя теперь Чизвиккскій проспектъ, миссъ Амелія уноситъ съ собою сердца всѣхъ своихъ подругъ и всегдашнее благоволеніе своей бывшей начальницы, которая имѣетъ честь быть, вашею,

Милостивая государыня,
покорнѣйшею слугою
Барбара Пинкертонъ.»

«Р. S. Миссъ Седли отправляется въ сопровожденіи дѣвицы Шарпъ. Пребываніе миссъ Шарпъ на Россель-Скверъ ни въ какомъ случаѣ не должно простирается свыше десяти дней. Знатная фамилія, куда она обязана явиться съ своимъ академическимъ аттестатомъ, желаетъ пользоваться ея педагогическими услугами безъ всякаго отлагательства.»

Окончивъ письмо, миссъ Барбара Пинкертонъ приступила къ начертанію своего имени, вмѣстѣ съ фамиліей миссъ Седли, на заглавномъ листѣ джонсонова словаря, такъ-какъ это знаменитое произведеніе неизмѣнно предлагалось въ подарокъ всѣмъ воспитанницамъ, при отъѣздѣ ихъ изъ «Благородной Академіи». На крышкѣ переплета были вырѣзаны золотыми буквами: «Стихи достопочтеннаго доктора Самуила Джонсона, поднесенные имъ молодой леди послѣ посѣщенія учебнаго заведенія миссъ Пинкертонъ». Дѣло въ томъ, что имя покойнаго лексикографа всегда было на устахъ этой достойной воспитательницы молодыхъ дѣвицъ, и визитъ его въ Чизвиккскую Академію сдѣлался причиною ея славы.

Получивъ приказаніе отъ старшей сестры принести лексиконъ, миссъ Джемима вынула изъ шкафа два экземпляра этой достославной книги. Когда миссъ Пинкертонъ окончила подпись на заглавномъ листѣ, Джемима съ нерѣшительнымъ и робкимъ видомъ представила ей другой экземпляръ.

– Это еще для кого, миссъ Джемима? сказала миссъ Пинкертонъ съ поражающею холодною.

– Для Ребекки Шарпъ, отвѣчала Джемима съ лихорадочнымъ трепетомъ, причемъ краска распространилась по всему ея блѣдному лицу, для Бекки Шарпъ: и она вѣдь уѣзжаетъ, сестрица.

– МИССЪ ДЖЕМИМА! воскликнула миссъ Пинкертонъ; (и восклицаніе ея могло выразиться не иначе, какъ огромными заглавными буквами), въ своемъ ли вы умѣ? Отнесите лексиконъ назадъ, и никогда не осмѣливайтесь прибѣгать къ своевольнымъ распоряженіямъ противъ моихъ точныхъ приказаній.

– Что жъ такое, сестрица? Лексиконъ стоитъ только два шиллинга и девять пенсовъ, а бѣдной Ребеккѣ будетъ очень жаль не получить прощальнаго подарка.

– Пошлите ко мнѣ миссъ Седли, сказала Пинкертонъ.

И бѣдная Джемима, безъ всякихъ отговорокъ, поспѣшила исполнить приказаніе сестры. Исторія очень простая и самая обыкновенная въ житейскомъ быту. Отецъ миссъ Седли былъ богатымъ лондонскимъ купцомъ, между-тѣмъ какъ миссъ Ребекка Шарпъ была безпріютная сиротка, и, по мнѣнію Пинкертонъ, ей даже безъ лексикона оказано слишкомъ много благодарій.

Въ нынѣшній нечестивый вѣкъ, по обыкновенію, оказываютъ очень мало довѣрія аттестаціямъ академическихъ начальницъ; но случается, и довольно часто, что рекомендаціи ихъ нисколько не преувеличиваютъ нравственныхъ и ученыхъ свойствъ рекомендуемыхъ особъ. Миссъ Амелія Седли была въ самомъ дѣлѣ прелестной дѣвицей со всѣхъ возможныхъ сторонъ, и заслуживала въ полной мѣрѣ блистательные отзывы достопочтенной содержательницы благородной академіи. Можно даже сказать, что миссъ Пинкертонъ исчислила далеко не всѣ очаровательныя достоинства своей воспитанницы.

Миссъ Амелія Седли пѣла какъ жаворонокъ, танцевала какъ Сильфида, вышивала превосходно и знала англійскую орѳографію какъ докторъ Джонсонъ; но это еще далеко не все: у миссъ Амеліи было нѣжное, чувствительное, прекрасное сердце, и все заведеніе любило ее, начиная отъ самой Минервы въ академическомъ чепцѣ, до бѣдной судомойки въ грязной юбкѣ и до кривой пирожницы-дѣвчонки, которой позволялось разъ въ недѣлю угощать произведеніями своей стряпни юныхъ воспитанницъ на Чизвиккскомъ проспектѣ. Изъ двадцати четырехъ дѣвушекъ по крайней мѣрѣ двѣнадцать были искренними и задушевными друзьями миссъ Амеліи Седли. Никто и никогда не злословилъ ее, ни даже сама миссъ Бриггсъ, дѣвица удивительно злонравная, имѣвшая несчастную привычку злословить цѣлый свѣтъ. Заносчивая и гордая миссъ Сальтиръ, внучка лорда Декстера, согласилась однажды навсегда, что Амелія чудо какъ мила, и этого мнѣнія никто не опровергалъ.

И вотъ пробилъ часъ разлуки, грустный и печальный часъ для всѣхъ юныхъ сердець, еще незнакомыхъ съ истиннымъ горемъ жизни... Миссъ Шварцъ, богатая мулатка съ шелковистыми волосами, расплакалась до такой степени, что академическій докторъ принужденъ былъ дать ей успокоительный порошокъ опьяняющаго свойства. Миссъ Пинкертонъ, какъ можно представить, вела себя достойнымъ и величественнымъ образомъ, не обнаруживая вспышки неприличныхъ чувствъ, но миссъ Джемима уже хныкала нѣсколько разъ; и только присутствіе сестры спасло ее отъ истерическихъ припадковъ. Ктому же было у нея множество хозяйственныхъ хлопотъ, не позволявшихъ принять дѣятельнаго участія въ общемъ горѣ. Честная Джемима завѣдывала денежными счетами, отпускала провизію для кухни, смотрѣла за мытьемъ бѣлья, за порядкомъ въ классахъ, и, сверхъ того, имѣла верховный надзоръ за прислугой. Но къ чему распространяться о Джемимѣ? Стоитъ только затворить желѣзныя ворота академіи, и мы вѣроятно ни раза не услышимъ ни о ней, ни даже о самой Минервѣ, пріятельницѣ лексикографа.

Но съ Амеліей мы будемъ встрѣчаться очень часто, и я полагаю, не будетъ никакой бѣды, если читатель узнаетъ съ самага начала, что природа снабдила эту дѣвушку самыми лучшими своими дарами. Мы этому очень рады, потому-что, можете представить, мы имѣемъ инстинтивное отвращеніе ко всему, что отзывается безнравственностью не только въ жизни, но даже и въ романахъ. Жаль, однакожъ, что эта дѣвица отнюдь не можетъ служить идеаломъ физической красоты, потому-что у нея коротенькій носъ и слишкомъ полная, румяныя щеки; но въ замѣнъ этого, личико ея цвѣло розовымъ здоровьемъ, и въ глазахъ отражался самый добродушный юморъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда они покрывались слезами, что случалось довольно часто. Миссъ Амелія плакала и надъ мертвой канарейкой, и надъ послѣдней страничкой глупой сентиментальной повѣсти, и даже надъ мышеловкой, если жадная кошка готовилась схватить несчастную жертву, соблазнившуюся лакомымъ кускомъ; но всего болѣе плакала миссъ Седли, когда кто-нибудь осмѣливался сказать ей неласковое слово. Вотъ почему миссъ Пинкертонъ, не имѣвшая впрочемъ ни малѣйшаго понятія о чувствительности и слабостяхъ человѣческаго

сердца, перестала бранить ее послѣ первого раза, и даже распорядилась отдать формальное приказаніе, чтобы всѣ учителя и наставницы обходились какъ-можно ласковѣе съ миссъ Седли.

Ничего, стало-быть; мудреного нѣтъ, если въ день отъѣзда миссъ Седли совсѣмъ растерялась, и не знала, что ей дѣлать: смѣяться или плакать. Она была очень рада ѣхать домой, но мысль, что ей надобно разстаться съ милыми подругами, переполняла горестью ея сердце. Уже цѣлыхъ три дня; маленькая сиротка, Лаура Мартинъ, таскалась за нею какъ маленькая собачонка. Ей надлежало принять и возвратить по крайней мѣрѣ четырнадцать подарковъ со включеніемъ четырнадцати торжественныхъ обѣщаній писать непременно каждую недѣлю.

– Адресуйте свои письма на имя моего дѣдушки, графа Декстера, а онъ ужъ перешлетъ ихъ ко мнѣ съ курьеромъ, говорила миссъ Сальтиръ.

– Не разбирай почтовыхъ дней, *mon ange*; пиши просто каждый день, и, повѣрь, твои письма будутъ для меня слаще конфектъ, говорила миссъ Шварцъ, великодушная мулатка съ шелковистыми волосами.

Отвѣты, само-собою разумѣется, были эксцентрически-утвердительнаго свойства. Чтобы не отстать отъ другихъ, малютка Лаура Мартинъ взяла подъ руку миссъ Амелію, и бросивъ на нее умильный взглядъ, проговорила:

– Душечка, Амелія, я буду называть васъ мамашей въ своихъ письмахъ.

Всѣ эти подробности, нѣтъ сомнѣнія, какой-нибудь степенный джентльменъ, имѣющій обыкновение читать романы за чашкой кофе съ трубкою въ устахъ, назоветъ чрезвычайно глупыми, пошлыми, приторными и до крайности сантиментальными. Точно такъ, и вотъ уже я вижу, какъ сей степенный джентльменъ беретъ въ эту минуту карандашъ, подчеркиваетъ эти унижительные эпитеты и прибавляетъ къ нимъ на поляхъ свое собственное замѣчаніе: *совершенно справедливо*. Очень хорошо. Бросьте эту книгу, степенный джентльменъ, и ступайте въ клубъ играть въ карты.

Но мы будемъ продолжать. Сундуки, прощальные подарки, шкатулки и картонки со шляпками миссъ Седли поступили въ распоряженіе косолапого Самбо вмѣстѣ съ ободранымъ чемоданомъ дѣвицы Шарпъ, уложеннымъ на дно коляски съ приличными замѣчаніями и насмѣшками со стороны кучера и слуги. Когда такимъ образомъ упаковка и поклажа были приведены къ благополучному концу, наступили послѣднія минуты разставанья, страшныя, горестныя минуты, смягченныя только необыкновенною твердостью духа и присутствіемъ самой основательницы заведенія. Само-собою разумѣется, что при этомъ торжественномъ случаѣ миссъ Пинкертонъ произнесла великолѣпную прощальную рѣчь имѣвшую самое успокоительное вліяніе на сердца юныхъ питомицъ. Рѣчь была до крайности скучна; фигуральна, нелѣпа и дика, но всѣ понимали съ удовлетворительною ясностью, что въ присутствіи миссъ Пинкертонъ отнюдь не должно давать простора изліянію дѣтскихъ чувствъ. Вслѣдъ затѣмъ явились на сцену тминная коврижка съ бутылкой малаги, и когда дѣвицы окончательно утѣшили себя такимъ напиткомъ, миссъ Седли получила окончательное позволеніе ѣхать въ родительскій домъ.

– А вы, миссъ Бекки, развѣ не хотите проститься съ массъ Пинкертонъ? сказала Джемима молодой дѣвушкѣ, на которую, казалось, никто не обращалъ никакого вниманія во все это время. Ребекка уже сходила съ лѣстницы въ дорожномъ платьѣ и съ картонкой подъ мышкой.

– Напротивъ, очень хочу, отвѣчала миссъ Шарпъ спокойнымъ тономъ.

Затѣмъ, она постучалась въ кабинетъ и, получивъ позволеніе войдти, сказала по французски:

– *Mademoiselle, je viens vous faire mes adieux.*

Миссъ Пинкертонъ не понимала французскаго языка, хотя хвастала при каждомъ удобномъ случаѣ, что можетъ свободно объясняться на многихъ европейскихъ діалектахъ. Закусивъ губы, и вздернувъ къверху свой римскій носъ, она отвѣчала величественнымъ тономъ:

– Миссъ Шарпъ, желаю вамъ счастливого пути.

Говоря такимъ образомъ, она протянула, въ знакъ прощанья, одинъ изъ пальцевъ своей руки, мизинець, къ которому надлежало прикоснуться съ достоюльнымъ уваженіемъ. Но миссъ Шарпъ холодно уклонила отъ этой чести, и только сдѣлала реверансъ; сопровождаемый двусмысленной улыбкой. Семирамида запылала пожирающимъ огнемъ благородного негодованія.

– Благослови васъ Богъ, дитя мое, сказала она, обнимая миссъ Амелію, и бросая черезъ плечо этой дѣвицы грозный взглядъ на миссъ Шарпъ.

– Ступайте, Бекки, Богъ съ вами, сказала взволнованнымъ тономъ миссъ Джемима, опасавшаяся дурныхъ послѣдствій отъ вѣроятнаго столкновенія, которое могло произойти между Ребеккой и ея сестрой.

И дверь кабинета захлопнулась за двумя пансіонерками, окончившими полный курсъ наукъ.

Внизу еще разъ произошла прощальная борьба, невыразимая словами. Въ пріемной залѣ собрались всѣ служанки, всѣ милые дружки, всѣ молодыя леди и съ ними танцовальный учитель, отложившій теперь попеченіе о своемъ урокъ. Цалованьямъ, объятіямъ, рыданьямъ и даже истерическимъ взвизгамъ не было конца. Наконецъ, миссъ Седли кое-какъ высвободилась изъ дружескихъ объятій, и обѣ пансіонерки усѣлись въ дорожную коляску. Никто, повидимому, не жалѣлъ о миссъ Ребеккѣ, и она съ своей стороны не считала нужнымъ проливать прощальныхъ слезъ.

Но въ ту пору, когда кучеръ получилъ приказаніе двинуться съ мѣста, Джемима вдругъ выбѣжала къ воротамъ съ какимъ-то узломъ подъ мышкой, и закричала:

– Стой! Вотъ это для васъ, Амелія, сказала она миссъ Седли, подавая узелокъ съ пирогами и жареной говядиной, а вотъ это вамъ, Бекки, Бекки Шарпъ... книга отъ моей сест... отъ меня... лексиконъ... вы знаете. Зачѣмъ же вамъ уѣзжать безъ подарка? Ну, прощайте! Благослови васъ Богъ! Кучеръ, ступай!

И добрая сестрица пошла назадъ, въ твердой увѣренности, что сочинила доброе дѣло. Но увы! лишь-только кучеръ двинулся съ мѣста, миссъ Ребекка Шарпъ, выставивъ изъ коляски свое блѣдное лицо, бросила со всего размаха прощальный подарокъ, и знаменитое твореніе доктора Самуила Джонсона, перекувыркаясь и дѣлая рикошеты, прикатилось обратно къ желѣзнымъ воротамъ «Академіи для благородныхъ дѣвиць». Джемима обомлѣла отъ изумленія и страха.

– Ахъ, какъ!.. Ну, я никогда... сказала она, какая смѣлая!..

Но ужасъ оковалъ языкъ сестрицы, и начатыя сентенціи остались неоконченными.

Коляска покатила быстро; желѣзныя ворота затворились, колокольчикъ собралъ въ танцклассъ благородныхъ воспитанницъ миссъ Пинкертонъ. Широкий міръ открылся передъ двумя молодыми леди. Прощай, Чизвиккскій проспектъ.

Глава II

Дѣвицы Шарпъ и Седли приготавливаются къ открытію кампаніи

Показавъ свою храбрость надъ несчастнымъ словаремъ, укатившимся къ ногамъ изумленной Джемимы, миссъ Ребекка Шарпъ приняла самодовольный видъ, и съ улыбкой на блѣдныхъ щекахъ облокотилась на подушку..

– Прощай Академія! воскликнула миссъ Шарпъ, пусть старая дѣвка припоминаетъ на досугѣ, какъ меня звали!

Миссъ Седли была озадачена выходкой своей подруги почти столько же, какъ бѣдная Джемима, потому-что, можете представить, прошло не болѣе одной минуты, какъ она оставила свой пансіонъ, державшій ее шесть лѣтъ въ своихъ четырехъ стѣнахъ. Въ одну минуту, разумѣется, не могутъ разлетѣться по воздушному пространству впечатлѣнія школы, гдѣ первоначально развились наши мысли и чувства. Что я говорю? Мнѣ случалось видѣть и такихъ особъ, которыя сохранили на всю жизнь воспоминанія школьныхъ лѣтъ. Я знаю, наприимѣръ, одного старого джентльмена лѣтъ семидесяти, который однажды, явившись на завтракъ съ испуганнымъ лицомъ, сказалъ мнѣ съ величайшимъ волненіемъ:

– Вообразите, мистеръ Теккерей, я видѣлъ сонъ, ужасный, страшный сонъ...

– Какой, смѣю спросить?

– Мнѣ грезилось, будто докторъ Рейнъ высѣкъ меня розгами! Фантазія, какъ видите, перекинула этого джентльмена за шестьдесятъ лѣтъ назадъ, къ блаженнымъ временамъ школьной жизни. Еслибъ докторъ Рейнъ явился изъ-за могилы съ розгою въ рукахъ, семидесяти-лѣтній старецъ, я увѣренъ, сталъ бы передъ нимъ на колѣни, испрашивая помилованья какъ провинившійся школьникъ. Что жъ мудреного теперь, если миссъ Седли въ нѣкоторой степени поражена была ужасомъ и страхомъ при выходкѣ своей дерзкой подруги?

– Какъ это вы осмѣлились, Ребекка? сказала наконецъ миссъ Седли, послѣ продолжительной паузы, что вы надѣлали?

– Какъ что? Перекувыркнула Джонсона, вотъ и все тутъ.

– Бросить прощальный подарокъ!

– Э, полноте! Неужто вы думаете, что миссъ Пинкертонъ пустится за нами въ погоню?

– Конечно нѣтъ; однакожь...

– Терпѣть я не могу этотъ домъ, и надѣюсь, глаза мои не увидятъ больше заведенія старой дѣвки, продолжала съ ожесточеніемъ миссъ Ребекка Шарпъ; о, еслибъ Темза выступила изъ береговъ и затопила миссъ Пинкертонъ съ ея тюбаномъ!

– Тсс!

– Что съ вами, Амелія? Неужели вы боитесь, что насъ подслушаютъ, и старая дѣвка поставитъ насъ въ темный уголь?

– Нѣтъ, нѣтъ; однакожь...

– Или вы думаете, что этотъ чорный лакей перескажетъ мою повѣсть старой дѣвкѣ? продолжала запальчиво миссъ Ребекка, пусть онъ; если хочеть, идетъ къ миссъ Пинкертонъ и объявитъ отъ моего имени, что я ненавижу ее отъ всего моего сердца, и что я желаю отъ всей души доказать ей эту ненависть на самомъ дѣлѣ. Пусть идетъ. Цѣлыхъ два года я терпѣла отъ нея насмѣшки всякого рода. Ни отъ кого, кромѣ васъ, Амелія, я не слыхала дружеского и ласкового слова, и всѣ въ этомъ заведеніи могли безнаказанно обижать меня потому только, что я не имѣла счастья пользоваться благосклонностью старой дѣвки. Цѣлыхъ два года болтала я безъ умолка по-французски въ нисшихъ классахъ до того, что мнѣ самой наконецъ опротивѣлъ материнскій языкъ. А не правда-ли, я очень хорошо сдѣлала, что обратилась къ миссъ Пин-

кертонъ съ французскимъ комплиментомъ? Пусть ее бѣснуется, какъ фурія. Vive la France! Vive Bonaparte!

Подобныя восклицанія, должно замѣтить, считались въ ту пору самымъ нечестивымъ злословіемъ въ устахъ всякой честной Англичанки. Сказать «Vive Bonaparte» значило почти то же, что пожелать многая лѣта Люциферу и его нечестивымъ легионамъ. Миссъ Амелія затрепетала.

– Ахъ, Ребекка, Ребекка, какъ вамъ не стыдно питать въ душѣ такія нечестивыя мысли! воскликнула миссъ Седли.

– Vive Bonaparte, и да погибнетъ старая дѣвка! вскричала миссъ Шарпъ.

– Мщеніе великій грѣхъ, мой ангель.

– Можетъ-быть; но я совсѣмъ не ангель.

И, сказать правду, титуль ангела никакимъ образомъ не могъ примѣниться къ миссъ Ребеккѣ Шарпъ.

Коляска между-тѣмъ медленно продолжала катиться по правому берегу Темзы. Подруги разговаривали все въ такомъ же тонѣ, обращая рѣчь на свѣжія воспоминанія пансіонской жизни. Приведенный нами отрывокъ изъ этой бесѣды характеризуетъ нѣкоторымъ образомъ нравственныя свойства миссъ Ребекки Шарпъ, и читатель, конечно, догадался, что она порядочный мизантропъ или, если угодно, мизогинистъ потому-что мужчины еще не входили въ кругъ ея наблюденій, и стало-быть не могли сдѣлаться предметомъ ея ненависти. Всѣ обходились съ нею дурно; сказала сама Ребекка, и мы въ свою очередь увѣрены, что если какая-нибудь особа, мужского или женского пола, подвергается дурному обхожденію въ какомъ бы то ни было обществѣ, значить, она сама, такъ или иначе, заслуживала это обхожденіе. Миръ, по нашему мнѣнію, то же что зеркало, въ которомъ каждый видитъ отраженіе своего собственнаго лица. Бросьте на наго сердитый взглядъ, и онъ въ свою очередь будетъ хмуриться на васъ; улыбнитесь ему, и онъ тоже подаритъ васъ добродушною улыбкой. Всякой мизантропъ, кто бы онъ ни былъ, виноватъ прежде всего самъ, и отнюдь не имѣетъ безусловнаго права жаловаться на толпу и презирать людей: это аксіома въ моихъ глазахъ. Что касается до миссъ Ребекки, достовѣрно по крайней мѣрѣ то, что она никому и никогда не дѣлала никакого добра въ томъ обществѣ, среди котораго жила: что жъ мудренаго; если двѣ дюжины дѣвочекъ не имѣли въ свою очередь ни малѣйшей привязанности къ этому мизантропу въ женской юбкѣ?

Отецъ миссъ Шарпъ былъ художникъ, и давалъ нѣсколько времени уроки въ учебномъ заведеніи миссъ Пинкертонъ. Это былъ смысленный малый, весельчакъ, беззаботный поэтъ, съ рѣшительной склонностью занимать деньги, гдѣ ни попало, и пропивать ихъ въ первомъ трактирѣ. Пьяный, онъ обыкновенно шумѣлъ въ своей квартирѣ, и проспавшись на другой день съ головою болью, сердился на челоуѣчество вообще и на художниковъ въ особенности, не умѣвшихъ по достоинству оцѣнить его артистическаго таланта. Такъ-какъ онъ могъ содержать себя не иначе какъ съ величайшимъ трудомъ, и притомъ лишился почти всякаго кредита между трактирщиками предмѣстья Сого, гдѣ была его квартира, то, для поправленія своихъ обстоятельствъ, онъ придумалъ жениться на Француженкѣ, отставной оперной дѣвицѣ, потерявшей свое мѣсто. Плодомъ этого брака была миссъ Ребекка, не считавшая, впрочемъ, нужнымъ объяснять со всѣми подробностями свое происхожденіе съ матерней стороны. Она рассказывала первоначально, что предки ея съ матерней стороны были какіе-то Entrechats, извѣстные всей Гасконіи по древности и благородству своего рода. Это служило предметомъ гордости для миссъ Ребекки. Замѣчательно, впрочемъ, что, по мѣрѣ возвышенія своего на почетныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы, миссъ Шарпъ постепенно возвышала геральдическое достоинство своихъ предковъ.

Мать Ребекки была женщина довольно образованная, и ея дочь говорила по-французски какъ природная Парижанка. Это обстоятельство, рѣдкое между Англичанками, доставило ей доступъ въ академію миссъ Пинкертонъ. Когда мать Ребекки умерла; мистеръ Шарпъ, предчув-

ствуя и свою близкую смерть, написалъ къ миссъ Пинкертонъ патетическое письмо, въ которомъ рекомендовалъ сироту ея просвѣщенному вниманію и покровительству. Вслѣдъ затѣмъ, онъ сошолъ въ могилу послѣ третьяго припадка *delirii trementis*. Ребекка, которой въ эту пору было уже семнадцать лѣтъ, явилась на Чизвиккскій проспектъ, и поступила пепиньеркой въ заведеніе миссъ Пинкертонъ. Она обязалась говорить по-французски съ молодыми дѣвками, и въ замѣнъ этого, ей предоставлено право слушать бесплатно профессоровъ Чизвиккской Академіи. Это заведеніе давно было извѣстно миссъ Шарпъ, потому-что она часто ходила туда при жизни отца.

Ребекка была низка ростомъ, худошава, блѣдна, съ волосами золотистого цвѣта и съ глазами, почти постоянно-опущенными въ землю; но эти глаза, зеленые и большіе, имѣли силу до того привлекательную, что отъ нихъ чуть не сошолъ съ ума молодой оксфордскій студентъ, нѣкто мистеръ Криппъ, отрекомендованный своею маменькой въ заведеніе миссъ Пинкертонъ, гдѣ онъ долженъ былъ преподавать эстетику молодымъ пансіонеркамъ. Уже влюбленный юноша написалъ нѣжное посланіе предмету своей страсти; но, къ несчастью, записка была перехвачена изъ рукъ неловкой торговки пирогами, и нѣжная страсть должна была погаснуть при самомъ разгарѣ. Мистриссъ Криппъ, извѣщенная объ опасности, немедленно взяла къ себѣ обратно неопытного преподавателя эстетики, и спокойствіе, разрушенное на нѣсколько времени въ «Академіи благородныхъ дѣвицъ», скоро было возстановлено на прочныхъ основаніяхъ. Миссъ Шарпъ получила строжайшій выговоръ отъ содержательницы пансіона, хотя было доказано неоспоримыми фактами, что она ни разу не имѣла счастья говорить съ господиномъ Криппомъ.

Въ обществѣ взрослыхъ и высокиихъ пансіонерокъ, Ребекка Шарпъ казалась настоящимъ ребенкомъ; но бѣдность и нужда преждевременно развили ея мозгъ. Нерѣдко разговаривала она съ кредиторами своего отца, и удачно успѣвала выпроваживать ихъ за двери; нерѣдко своими ласками вкрадывалась она въ довѣренность мелочныхъ лавочниковъ и купцовъ, отпуская имъ въ долгъ свои товары. Отецъ гордился остроуміемъ маленькой дочери, и съ удовольствіемъ рекомендовалъ ее своимъ буйнымъ товарищамъ, приходившимъ въ его квартиру фантазировать за бутылками артистическихъ напитковъ. Часто молодая дѣвушка сидѣла съ ними за однимъ столомъ, прислушиваясь къ такимъ рѣчамъ, которыя должны быть слишкомъ чужды дѣтского уха. Послѣ всего этого, Ребекка имѣла, конечно, полное право сказать:

– Никогда я не была дѣвочкой, и никогда не ощущала дѣтскихъ чувствъ. Восьми лѣтъ отъ роду, я уже была женщиной въ полномъ смыслѣ слова.

О миссъ Пинкертонъ! Зачѣмъ вы такъ неосторожно заключили въ свою клѣтку эту опасную птичку?

Но великія женщины, такъ же какъ и малыя, подвергаются иногда непростительнымъ ошибкамъ. Миссъ Пинкертонъ въ простотѣ сердечной воображала, что дочка рисовальнаго учителя самое кроткое, слабое и беззащитное созданіе въ подлунномъ мірѣ, потому-что Ребекка съ неподражаемымъ искусствомъ разыгрывала роль *d'une fille ingénue* всякій разъ, какъ удавалось ей побывать въ Чизвиккѣ. Семирамида считала ее скромнымъ и невиннымъ ребенкомъ, и разъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, это случилось за годъ до окончательнаго поступленія Ребекки въ Академію благородныхъ дѣвицъ: ей было тогда шестнадцать лѣтъ, миссъ Пинкертонъ съ величественною важностью подарила ей куклу, конфискованную собственность миссъ Суиндль, которая осмѣлилась заниматься своимъ сокровищемъ въ учебные часы. О, если бы видѣла миссъ Пинкертонъ, какъ Ребекка и ея отецъ, по возвращеніи домой, хохотали цѣлый вечеръ надъ этой куклой, дѣлая изъ нея карриатуру самой основательницы благороднаго пансіона! Ребекка наряжала куклу собственными руками, вздергивала ей носъ, разговаривала съ нею какъ пансіонерка съ своей начальницей, и заставляла ее выдѣлывать самыя уморительныя фарсы. Съ этой поры все предмѣстье Сого, отъ мелочнаго лавочника до чумаго мальчишки изъ харчевни, знали почтенную миссъ Пинкертонъ въ образѣ куклы миссъ

Ребекки. Молодые живописцы, собиравшіеся у своего ветерана, спрашивали, по обыкновению, Ребекку, о здоровьи мнимой старухи Пинкертонъ, и веселились на-славу послѣ ея остроумныхъ отвѣтовъ. Однажды Ребекка удостоилась прогостить цѣлую недѣлю на Чизвиккскомъ проспектѣ: Джемима подчивала ее разными сластями, ласкала какъ бѣдную сиротку, и даже подарила ей на дорогу нѣсколько серебряныхъ монетъ. И что же? По возвращеніи домой, миссъ Шарпъ соорудила себѣ другую куклу, представляющую миссъ Джемиму въ самомъ каррикатурномъ видѣ! Эстетическое чувство смѣха, очевидно, одерживало верхъ надъ чувствомъ благодарности въ сердцѣ дочери оперной актрисы.

Наступила наконецъ пора, когда миссъ Ребекка Шарпъ водворилась окончательно въ «Академіи благородныхъ дѣвицъ». Строгая формальность непріятна была молодой дѣвушкѣ, привыкшей къ цыганской жизни съ своими покойными родителями. Урочные часы вставанья, молитвъ, обѣдовъ и прогулокъ, распределенныхъ съ математическою точностью, надоѣли ей до того, что она поминутно вздыхала о своей прежней жизни, и всѣ воображали, что миссъ Ребекка груститъ неутѣшно о потерѣ своего отца. Ей отвели каморку на чердакѣ, гдѣ часто слышали какъ она рыдаетъ по ночамъ. Она точно рыдала *отъ злости*, но не отъ печали. Никогда не случилось ей жить въ обществѣ женщинъ: ея отецъ, несмотря на свое не совсѣмъ безукоризненное поведеніе; былъ человекъ съ талантомъ, и его разговоръ нравился ей въ тысячу разъ больше, чѣмъ болтовня всѣхъ этихъ дѣвицъ, молодыхъ и старыхъ, съ которыми теперь связала ее судьба. Она ненавидѣла всѣхъ вообще и каждую порознь, за исключеніемъ миссъ Амеліи Седли, къ которой чувствовала искреннюю привязанность. Ктому же предпочтеніе, которое отдавали передъ ней другимъ молодымъ дѣвицамъ, раздирало ея сердце мучительной завистью.

– И отчего эта дѣвчонка такъ высоко поднимаетъ носъ? говорила она объ одной изъ воспитанницъ миссъ Пинкертонъ.

Едва прошолъ годъ, и уже миссъ Ребекка Шарпъ рѣшилась, во что бы то ни стало, и какъ бы ни стало, вырваться изъ «Академіи благородныхъ дѣвицъ». Въ головѣ ея образовались и созрѣли связные планы относительно будущей судьбы.

Однажды, въ отсутствіе дѣвицъ, Ребекка сѣла за фортепьяно и сыграла нѣсколько новыхъ и трудныхъ пьесъ съ такимъ совершенствомъ, что миссъ Пинкертонъ предложила ей давать музыкальные уроки въ младшемъ классѣ: это освободило бы ее отъ платы музыкальному учителю. Но, къ величайшему ея изумленію, миссъ Шарпъ сдѣлала рѣшительный отказъ.

– Я живу здѣсь для того, чтобъ говорить съ дѣтьми по французски, сказала она смѣлымъ и рѣшительнымъ тономъ, не мое дѣло давать имъ музыкальные уроки и сберегать для васъ деньги! Платите мнѣ, если угодно, за каждый урокъ, и я буду учить.

Миссъ Пинкертонъ принуждена была уступить; и съ этого дня перестала любить миссъ Ребекку Шарпъ.

– Никто и никогда, въ продолженіе цѣлыхъ тридцати пяти лѣтъ, не смѣлъ въ моемъ домѣ идти наперекоръ моимъ распоряженіямъ! воскликнула миссъ Пинкертонъ, озадаченная дерзостью молодой дѣвицы. Я пригрѣла змѣю на своей груди!

– Змѣю, какой вздоръ! воскликнула въ свою очередь миссъ Шарпъ. Вы взяли меня, потому-что рассчитывали употребить съ пользой въ своемъ заведеніи; вотъ и все тутъ. Между нами нѣтъ и не можетъ быть вопроса о взаимной благодарности. Я ненавижу это мѣсто и хочу его оставить по своей доброй волѣ. Вы не принудите меня дѣлать то, къ чему я не обязывалась.

– Вы забываетесь, миссъ Ребекка!

– Дайте мнѣ денегъ, и отпустите меня на всѣ четыре стороны, если угодно. А всего лучше вы сдѣлаете, миссъ Пинкертонъ, если приищете мнѣ мѣсто гувернантки.

Миссъ Пинкертонъ разъ заблагоразсудила сдѣлать ей публичный выговоръ въ присутствіи двадцати-четырехъ дѣвицъ; но Ребекка, при помощи французскаго діалекта, совершенно сбила съ толку раздраженную старуху.

Такимъ образомъ, для возстановленія порядка въ заведеніи, оказывалось неизбѣжно необходимымъ удалить миссъ Шарпъ, и когда этимъ временемъ сэръ Питтъ Кроли обратился съ просьбой насчетъ гувернантки, миссъ Пинкертонъ поспѣшила отрекомендовать миссъ Шарпъ, какъ дѣвицу ученую, способную преподавать всѣ возможныя искусства и науки.

– И что жъ такое? говорила миссъ Пинкертонъ. Поведеніе дѣвицы Шарпъ преступно только въ отношеніи ко мнѣ одной; но я не могу не согласиться, что ея таланты и познанія относятся къ высшему разряду. Что касается до необыкновеннаго развитія головы этой дѣвицы, я заранѣе увѣрена, миссъ Шарпъ сдѣлаетъ большую честь педагогической системѣ моего заведенія. Ктому же, во всякомъ случаѣ, я сдѣлаю доброе дѣло, оказавъ окончательное покровительство безпріютной сиротѣ.

Такъ кончилась эта достопамятная борьба на Чизвиккскомъ проспектѣ, продолжавшаяся съ упорнымъ ожесточеніемъ нѣсколько мѣсяцовъ сряду.

Этимъ временемъ миссъ Амелія Седли вступила въ завѣтный возрастъ семнадцатилѣтней дѣвицы, и должна была, по требованію своей матери, возвратиться подъ гостепріимную кровлю родительскаго дома. Чувствуя искреннюю привязанность къ бывшей пепиньеркѣ, Амелія пригласила ее съ собою погостить на недѣлю въ центрѣ англійской столицы, и Ребекка безъ всякихъ отговорокъ согласилась на предложеніе своей подруги.

Такъ открылся свѣтъ для двухъ молодыхъ дѣвицъ. Въ глазахъ Амеліи, это былъ совершенно новый, свѣжій, блистательный міръ со всѣми радужными цвѣтами у его подножія; что жъ касается до миссъ Ребекки, свѣтъ едва ли имѣлъ для нея привлекательность новизны. Много навидѣлась она и слышалась въ предмѣстьи Сого, еще больше начиталась. Во всякомъ случаѣ, Ребекка видѣла теперь передъ собой необозримое поле новой жизни.

Между-тѣмъ, молодыя дѣвушки благополучно проѣхали черезъ Кенсингтонскую заставу. Амелія, само собою разумѣется, еще не успѣла забыть своихъ пансіонскихъ подругъ; но глаза ея уже совершенно осушились отъ слезъ, и щеки покрылись яркимъ румянцемъ, когда передъ заставой молодой офицеръ, заглянувъ ей въ лицо, сказалъ: «Какая хорошенькая дѣвушка!» Много и долго говорили онѣ о своихъ надеждахъ и мечтахъ и о томъ, какъ онѣ будутъ рисоваться на балѣ у лорда-мэра, куда нѣтъ сомнѣнія, Амелію непременно пригласятъ.

Но вотъ; наконецъ, коляска остановилась у великолѣпнаго подъѣзда. Миссъ Амелія выпорхнула какъ бабочка на плечахъ чорнаго слуги, вполнѣ счастливая и довольная судьбой. Самбо и кучеръ давно согласились между собой, что барышня ихъ прослыветъ первою красавицей въ Лойдонѣ, и теперь единодушно согласились съ этимъ, мнѣніемъ и отецъ и мать, и слуги, и служанки, обступившія свою госпожу въ пріемной залѣ.

Послѣ первыхъ привѣтствій и восторговъ, Амелія познакомила свою подругу съ устройствомъ дома, и показала ей все свое имѣніе: шкафы, книги, свой рояль, свои платья, ожерелья, кольца, браслеты, брошки, цѣпочки, и прочая, и прочая. Она упросила ее принять нѣсколько драгоценныхъ бездѣлокъ, и дала себѣ слово выпросить у матери позволеніе подарить ей бѣлую кашмировую шаль. Почему жъ и не подарить? Братецъ Джозефъ привезъ ей изъ Индіи двѣ кашмировыя шали.

Услышавъ, будто въ первый разъ, что у Амеліи есть братецъ, Ребекка пришла въ истинное умиленіе.

– Ахъ, какъ это должно быть пріятно имѣть братца! воскликнула она съ невиннымъ простодушіемъ, а модна въ цѣломъ мірѣ, круглая сирота, безъ родственниковъ, покровителей и друзей!

– Нѣтъ, Ребекка, ты не одна, мой ангелъ, сказала Амелія, я люблю тебя какъ сестру, и буду всегда твоимъ нѣжнымъ, истиннымъ другомъ.

– Но у тебя есть родители, добрые, богатые, любящіе родители, которые даютъ тебѣ все, чего ни попросишь. Мой бѣдный папа ничего мнѣ не оставилъ, и все мое имѣніе въ двухъ

поношенных платьяхъ. Притомъ, Амелія, у тебя есть братъ, милый, нѣжный братъ! Ахъ, какъ ты должна любить его?

Амелія засмѣялась.

– Какъ! Развѣ ты его не любишь? Можетъ ли это быть?

– Люблю, отвѣчала Амелія, только...

– Только что?

– Только Джозефу, кажется; все равно, люблю я его, или нѣтъ. По возвращеніи изъ Индіи, гдѣ пробылъ десять лѣтъ, онъ даже не поцаловался со мной. Онъ добръ, конечно, и ласковъ, но со мной почти никогда не говоритъ. Кажется, онъ больше любитъ свою трубку, чѣмъ меня. Мнѣ было только пять лѣтъ, когда онъ уѣхалъ въ Индію.

– Богатъ онъ? спросила Ребекка. Говорятъ, что всѣ эти индійскіе набобы ужасные богачи.

– Да, кажется у него огромное имѣніе.

– Давно ли онъ женатъ? Его супруга, я полагаю, прекрасная леди.

– Да кто жъ тебѣ сказалъ, что у него есть супруга? отвѣчала Амелія улыбаясь. Джозефъ и не думалъ жениться.

– Вотъ что!!

Очень могло статься, что Амелія говорила объ этомъ еще въ пансіонѣ; но Ребекка, по разсѣянности, совсѣмъ забыла, и ей казалось, что она увидитъ цѣлую группу племянниковъ и племянницъ вокругъ своей подруги.

– Ахъ, какъ это жаль, что мистеръ Седли не женатъ! воскликнула миссъ Ребекка. Я такъ люблю маленькихъ дѣтей!

– Вотъ прекрасно! Маленькія дѣти, я думаю, надоѣли тебѣ и въ Чизвиккѣ, отвѣчала миссъ Амелія, совсѣмъ не подозрѣвавшая такой нѣжности въ своей подругѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, миссъ Шарпъ никогда не обнаруживала особенной привязанности къ дѣтямъ; но можно ли было сомнѣваться въ ея искренности? Ей было теперь только девятнадцать лѣтъ.

Толпы предположеній, надеждъ, расчетовъ, плановъ, мгновенно образовались теперь въ головѣ невинной дѣвушки, и все это само собою подводилось бодь одинъ и тотъ же итогъ, который можетъ быть переданъ на простой и ясный языкъ въ слѣдующей формѣ:

– Если мистеръ Джозефъ Седли холостякъ и богатъ, какъ индійскій набобъ, то почему же мнѣ не сдѣлаться его женой? Я могу пробыть здѣсь только двѣ недѣли; короткій срокъ; но... попытка не шутка, спрось не бѣда.

И Ребекка рѣшилась попытаться. Она удвоила свои ласки къ Амеліи, перецаловала всѣ ея подарки, и поклялась на первый случай, что ей не хотѣлось бы разстаться съ нею никогда, во всю свою жизнь. Въ ту минуту раздался обѣденный звонокъ, и обѣ пріятельницы, сцѣпившись подъ руку, побѣжали внизъ. Передъ дверью гостиной невольная робость овладѣла Ребеккой, и она никакъ не рѣшалась войти.

– Ахъ, Боже мой, какъ бьется у меня сердце! сказала она взволнованнымъ тономъ своей подругѣ.

– Чего жъ тутъ робѣть, мой ангель? Не бойся. Папенька такой добрый. Войдемъ.

И онѣ вошли.

Глава III

Ребекка передъ лицомъ первого непріятеля на базарѣ житейской суеты

Въ гостиной, подлѣ камина, съ огромной газетой въ рукахъ, сидѣлъ рослый, толстый, дюжій мужчина въ зеленомъ сюртукѣ съ большими стальными пуговицами по обоимъ рядамъ, въ красномъ, полосатомъ жилетѣ и щегольскихъ гессенскихъ сапогахъ съ затѣйливыми кисточками фантастическаго фасона. При входѣ молодыхъ дѣвушекъ, онъ отпрянулъ отъ своихъ кресель какъ ужаленный вепрь, и покраснѣлъ до ушей. То былъ мистеръ Джозефъ Седли.

– Здравствуй, братецъ, сказала миссъ Седли улыбаясь. Рекомендую мою подругу, миссъ Шарпъ, о которой я тебѣ говорила.

Съ этими словами, она подала руку своему чопорному брату.

– Когда же, сестрица? Хоть убей, не помню... то-есть, оно выходитъ просто, что... сегодня прекрасная погода, и холодъ пробираетъ насквозь. Не правда ли, миссъ?

И, проговоривъ эту сентенцію, мистеръ Джозефъ Седли принялся изо всей мочи разгребать огонь въ каминъ, хотя никто не могъ чувствовать холода въ половинѣ іюня.

– Ахъ, какой онъ хорошенькій! шепнула Ребекка Амеліи довольно громко.

– Будто бы? Ты такъ думаешь? Я ему скажу это.

– Ни полслова, моя милая, сохрани тебя Богъ! сказала миссъ Шарпъ, отскочивъ назадъ, какъ робкая лань.

Мистеръ Джозефъ еще съ большимъ усердіемъ началъ разгребать огонь.

– Я еще не благодарила тебя; братецъ, за твой индійской подарокъ: прекрасныя шали, Ребекка; не правда ли?

– Безподобныя! отвѣчала миссъ Шарпъ, и умильные ея глазки обратились на разгреба-теля углей, который между тѣмъ пыхтѣлъ, кряхтѣлъ, раздувался и краснѣлъ почти такъ же, какъ угли въ каминѣ.

– Но я, Джозефъ, не могу тебѣ сдѣлать такого прекраснаго подарка, продолжала сестра, а впрочемъ, знаешь ли? при выходѣ изъ пансіона, я вышила для тебя пару прекрасныхъ под-тяжекъ.

– Какой вздоръ ты говоришь, Амелія? Что съ тобой? вскричалъ братъ, испугавшійся неизвѣстно какихъ вещей. Кстати, я уже слишкомъ засидѣлся, мнѣ пора ѣхать. Пусть подають мою одноколку.

Въ эту минуту вошелъ отецъ семейства, побрякивая своими печатями; какъ истый бри-танскій негодіантъ.

– Что здѣсь у васъ, Эмми? сказалъ онъ. Зачѣмъ понадобилась одноколка твоему брату.

– Онъ хочетъ ѣхать, папенька.

– Куда? Зачѣмъ?

– Я обѣщала сегодня обѣдать съ господиномъ Бонеми.

– Что это за Бонеми?

– Мой сослуживецъ.

– Но вѣдь ты сказала матери, что будешь обѣдать съ нами?

– Оно бы, пожалуй, все равно... но въ этомъ костюмѣ, вы видите, не совсѣмъ удобно.

– Пустяки, мой милый. Посмотрите, миссъ Шарпъ, развѣ онъ дурень въ этомъ франтов-скомъ нарядѣ?

Миссъ Шарпъ, какъ и слѣдуетъ, взглянула на свою подругу, и обѣ засмѣялись самымъ пріятнымъ смѣхомъ.

– Случалось ли вамъ видѣть такіе прекрасные жилеты въ пансіонѣ у старухи Пинкертоновъ? продолжалъ отецъ, находившій очевидное удовольствіе помучить молодого человѣка.

– Батюшка!.. Ради Бога! восклицалъ смущенный мистеръ Джозефъ.

– Что, мой другъ! Развѣ я задѣлъ за чувствительную струну?

Къ обществу въ гостиной присоединилась теперь мистриссъ Седли.

– Послушай, жена, продолжалъ неумолимый старикъ, я какими-то судьбами задѣлъ за чувствительную струну твоего сына, похваливъ его пестрый жилетъ. Можешь спросить объ этомъ миссъ Шарпъ.

Молодые дѣвушки разразились опять самымъ пріятнымъ смѣхомъ.

– Однакожь пора обѣдать, заключилъ старикъ Седли. Ну, Джозефъ, подай руку миссъ Шарпъ и веди насъ въ столовую.

– Для тебя, братецъ, говорятъ, приготовленъ сегодня превосходный пилавъ по твоему индійскому вкусу, проговорила Амелія, желавшая, повидимому, ободрить своего брата.

– Что жъ ты стоишь, мой милый, какъ индійскій пѣтухъ? сказалъ отецъ. Бери миссъ Шарпъ, а я дотащу этихъ обѣихъ молодыхъ женщинъ.

Онъ взялъ подъ руки жену и дочь, и вся компанія весело отправилась въ столовую.

Если миссъ Ребекка Шарпъ рѣшилась въ своемъ сердцѣ одержать побѣду надъ первымъ попавшимся верзилой, о которомъ, покамѣстъ, ей извѣстно только то, что онъ мужчина и богатъ какъ индійскій набобъ, то я отнюдь не думаю, милостивыя государыни, что вы или я имѣемъ неоспоримое право осуждать молодую дѣвицу. Всѣмъ и каждому очень хорошо извѣстно, что ловля жениховъ, по заведенному ходу вещей, поручается маменькамъ или тетушкамъ, которыя иной разъ для этой только цѣли и существуютъ на бѣломъ свѣтѣ; но припомните, что дѣвица Шарпъ безродная и безпріютная, оставлена въ этомъ отношеніи на произволь судьбы и, стало быть, надлежало ей самой хлопотать о женихѣ, или, другими словами, искать суженого-ряженого на распутяхъ широкаго міра. . . Вы негодуете, милостивыя государыни, вы хмуритесь, но скажите, ради Аллаха, зачѣмъ съ такимъ неутомимымъ усердіемъ молодые люди добиваются знакомствъ и выѣзжаютъ въ свѣтъ, если нѣтъ у нихъ впереди супружескихъ цѣлей? Зачѣмъ регулярно каждое лѣто цѣлыя группы тѣтушекъ, маменекъ, кузинъ, сопровождаемыхъ полчищемъ дочекъ и племянницъ, отправляются на минеральныя воды во всѣхъ концахъ подлуннаго міра? Зачѣмъ восемь мѣсяцовъ сряду танцуютъ онѣ до-упада каждую ночь до пяти часовъ утра?

А кабинетныя занятія? Развѣ даромъ ваша дочь съ нѣжныхъ лѣтъ коверкаетъ свой языкъ для изученія трехъ или четырехъ иностранныхъ языковъ? Развѣ даромъ вы платите по двадцати франковъ за урокъ модному музыкальному учителю, который надслживаетъ горло и руки вашего дѣтища два или три раза въ недѣлю? А какая цѣль имѣется въ виду при вашихъ хозяйственныхъ распоряженіяхъ? Зачѣмъ почтенные родители такъ часто мѣняютъ мѣбли, и ставятъ ребромъ послѣднюю копейку, задавая блестящіе балы и вечера съ живыми цвѣтами въ половинѣ зимы и роскошными ужинами, гдѣ шампанское льется черезъ край? Неужели все это дѣлается изъ безкорыстной любви къ человѣчеству? *Fi donc!* Вамъ нужны женихи для взрослыхъ дочекъ, и балы ваши ничто иное какъ отчаянная игра въ марьяжъ.

Зачѣмъ же мы станемъ обвинять Ребекку Шарпъ? Амелія была еще въ пансіонѣ, но заботливая маменька устроила для нея, по крайней мѣрѣ, дюжину лотерей супружеской жизни. Ей, видите ли, надлежало пристроить свою дочку, между-тѣмъ какъ никто въ цѣломъ мірѣ не могъ думать о пристройкѣ Ребекки, для которой, въ строгомъ смыслѣ, женихъ еще гораздо нужнѣе, чѣмъ для миссъ Седли. Во первыхъ, нѣтъ, у ней никакого покровителя; а во вторыхъ, миссъ Ребекка имѣетъ чувствительное сердце и самое пламенное воображеніе. Она читала «Арабскія Ночи» и сантиментальные романы въ новѣйшемъ вкусѣ, со включеніемъ географіи Гутри. Вотъ на этомъ-то основаніи, миссъ Ребекка Шарпъ, одѣваясь къ обѣду и разспрашивая Амелію о разныхъ разностяхъ относительно ея брата, построила въ своей фантазіи на собственный

счетъ великолѣпный воздушный замокъ, съ мраморными стѣнами и съ покорнѣйшимъ супругомъ на заднемъ планѣ; она еще не видала интереснаго брата и, стало-быть, фигура его обрисовывалась весьма неясно въ этой картинѣ. Уже мысленный взоръ ея блуждалъ въ невѣдомыхъ областяхъ по ту сторону океана; на плечахъ ея были драгоценныя кашмировыя шали, на головѣ богатѣйшій тюрбанъ, на рукахъ жемчужныя браслеты, и вотъ она, разряженная какъ пава, ѣдетъ на слонѣ, при звукахъ трубъ и литавръ, во дворецъ самого Великаго Могола. Очаровательныя алькаскарскія видѣнія! Юность, одна только юность имѣетъ привилегію питать васъ въ своей душѣ; и сколько прелестныхъ созданій, кромѣ Ребекки Шарпъ, убаюкиваютъ себя этими радужными мечтами!

Джозефъ Седли былъ двѣнадцатью годами старше своей сестры, миссъ Амеліи. Онъ служилъ въ Ост-Индіи гражданскимъ чиновникомъ компаніи, и завѣдывалъ сборомъ пошлинъ и налоговъ въ Богли-Уоллѣ, – должность почотная и выгодная, гдѣ расторопный служака, съ нѣкоторою смѣтливостью, могъ въ короткое время нажить огромное состояніе; ничѣмъ не возмутьивъ спокойствія своей совѣсти.

Вы не знаете Богли-Уолла? Такъ называется мѣстечко, расположенное въ прекрасной, уединенной, болотистой, лѣсистой области, гдѣ вы можете стрѣлять бекасовъ къ своему обѣду и охотиться за тиграми, если угодно. Львовъ и тигровъ тутъ цѣлыя стада. Рамгенджъ, средоточіе англійской администраціи, охраняемой достаточнымъ количествомъ войска, отстоитъ отсюда на сорокъ миль; такъ, по крайней мѣрѣ, писалъ Джозефъ къ своему отцу, когда сдѣлалъ его сборщикомъ пошлинъ. Около восьми лѣтъ, мистеръ Седли прожилъ въ этой глуши совершенно одинокимъ, и только два раза въ годъ приходилось ему видѣть европейскія лица, когда отрядъ, посланный компаніею, пріѣзжалъ туда за собранными доходами для отправленія ихъ въ Калькутту.

Къ счастью, около этого времени, Джозефъ началъ жестоко страдать растройствомъ печени, и врачи присовѣтовали ему отправиться на родину, гдѣ заранѣе онъ рассчитывалъ испробовать всѣ роды наслажденій европейскаго комфорта. Въ Лондонѣ, отдѣльно отъ своей семьи, Джозефъ нанялъ для себя великолѣпную квартиру въ модной улицѣ, и жилъ какъ веселый холостякъ. Передъ отъѣздомъ въ Индію, онъ былъ слишкомъ молодъ для разнообразныхъ столичныхъ удовольствій; зато теперь, по возвращеніи, онъ погрузился въ нихъ тѣломъ и душой. Онъ разъѣзжалъ повсюду въ щегольскомъ экипажѣ, обѣдалъ въ лучшихъ гостиницахъ и клубахъ, посѣщалъ театры и не пропускалъ ни одной замѣчательной оперы.

Возвратившись въ Индію опять, онъ съ величайшимъ энтузіазмомъ рассказывалъ своимъ товарищамъ объ этомъ счастливомъ періодѣ своей жизни, и давалъ знать кому слѣдуетъ, что онъ и нѣкто Бруммель были первостатейными львами британской столицы.

Но, говоря такимъ образомъ, мистеръ Джозефъ лгалъ немилосердо. Среди шума столичной жизни, былъ онъ одинокъ точно такъ же, какъ въ дремучихъ лѣсахъ Богли-Уолла. Единственнымъ его знакомцемъ былъ только докторъ, принявшій на себя обязанность привести въ порядокъ растроенную печень индійскаго выходца. Джозефъ былъ неповоротливъ, лѣнивъ, брюзгливъ, и общество дамъ смущало его, какъ школьника, никогда не переступавшаго за порогъ класной залы. Поэтому онъ рѣдко навѣщалъ родительскій домъ на Россель-Скверѣ, гдѣ часто собиралось множество гостей и гдѣ нескромныя шутки старика-отца кололи его раздражительное самолюбіе.

Мистеръ Седли никогда не былъ хорошо одѣтъ, несмотря на величайшіе всѣдневныя труды украсить свою дюжую особу и придать своей личности величественный, джентльменскій видъ. Черный его слуга скопилъ порядочное состояніе отъ отбракованныхъ статей въ гардеробѣ своего барина. Его туалетный столикъ загроможденъ былъ всѣми возможными эссенціями и помадами, изобрѣтенными для возвышенія природной красоты, и онъ перепробовалъ всѣ возможные корсеты и бандажи для исправленія своей неуклюжей таліи. Жирный и толстый, онъ заказывалъ портному самыя узкія платья юношескаго покроя и самыхъ яркихъ, блестящихъ

цвѣтовъ. Разфранченный такимъ образомъ, какъ ворона въ павлиньихъ перьяхъ, раздушонный и перетянутый, онъ разгуливалъ одинъ по парку или по окрестностямъ Лондона, и потомъ одинъ же обѣдалъ въ какомъ-нибудь ресторанѣ. Вообще мистеръ Джозефъ былъ легкомысленъ и тщеславенъ, какъ молодая дѣвушка, и, быть-можетъ, чрезмѣрная застѣнчивость была естественнымъ плодомъ его чрезмѣрнаго тщеславія. Если миссъ Ребекка Шарпъ, при своемъ первомъ вступленіи въ свѣтъ умѣла заинтересовать собою такого джентльмена, то, значить, въ ней должно видѣть дѣвицу съ умомъ не совсѣмъ обыкновеннымъ.

Уже первый ея маневръ обнаружилъ мастерское умѣнье, взятыя за дѣло. Назвавъ мистера Седли хорошенькимъ мужчиной, она знала, что Амелія перескажетъ это матери, которая въ свою очередь намекнетъ объ этомъ мистеру Джозефу, и во всякомъ случаѣ будетъ рада, что сынъ ея удостоился такого комплимента. Скажите какой-нибудь Готтентоткѣ, что сынъ ея прекрасенъ какъ ангелъ: она повѣритъ вашему слову и растаетъ, какъ сальный огарокъ, отъ полноты душевного восторга. Материнское самолюбіе не имѣетъ никакихъ предѣловъ, и Ребекка понимала это инстинктивно. Впрочемъ, комплиментъ ея былъ произнесенъ довольно громко, и Джозефъ Седли услышалъ его собственными ушами, услышалъ – и похвала молодой дѣвушки просверлила всѣ фибры его дюжого тѣла, и *хорошенькій мужчина* затрепеталъ отъ удовольствія. Скоро, однакожь, онъ одумался и задалъ себѣ вопросъ: «Ужь не шутить ли надо мной эта смазливая дѣвчонка?.. А впрочемъ, къ чему жъ ей шутить?» тотчасъ же подумалъ мистеръ Седли. «Чемъ же я, въ самомъ дѣлѣ, не хорошъ? Нѣтъ, чортъ побери, немного такихъ молодыхъ, какъ Джозефъ Седли». Мы замѣтили, что мистеръ Седли тщеславенъ, какъ молодая дѣвушка. Великій Боже! Переверните медаль на другую сторону, и молодыя дѣвицы, рассуждая о какой-нибудь сестрицѣ изъ своей среды, будутъ имѣть полное право сказать: «Она самолюбива и тщеславна, какъ мужчина.» Да, милостивыя государыни, брадатые созданія любятъ похвалы и комплименты всякого рода почти столько же, какъ первыя кокетки въ мірѣ.

Итакъ, почтенная компанія спустилась внизъ. Джозефъ продолжалъ краснѣть и пыхтѣть; Ребекка скромничала и потупляла въ землю свои зеленые глазки. Она была вся въ бѣломъ, и нагія ея плечи лоснились какъ алебастръ, изящное олицетвореніе невинности и простоты, облеченной въ дѣвственную форму.

– Надобно будетъ пораспросить его объ Индіи, думала Ребекка; другихъ идей нельзя предполагать въ этой пустой головѣ.

Мы уже слышали, что мистриссъ Седли приготовила пилавъ для своего сына и такъ называемое *curry*, самое національное индійское блюдо, приправленное горячими снадобьями разныхъ сортовъ. Сѣли за столъ и *curry* явилось на огромномъ блюдѣ передъ самымъ носомъ мистера Седли.

– Что это такое? спросила Ребекка наивнымъ тономъ, бросая умильный взглядъ на мистера Джозефа.

– Превосходно, сказалъ красный набобъ, пережевывая съ величайшимъ трудомъ лакомый кусокъ. Можно подумать, матушка, что вы держите при себѣ индійскую кухарку. Превосходно.

– Ахъ, позвольте попробовать: мнѣ хочется знать вкусъ индійскихъ блюдъ, сказала миссъ Ребекка. Мнѣ кажется, что все должно быть хорошо въ этой поэтической странѣ.

– Удѣли частичку этого лакомства для миссъ Шарпъ, проговорила, улыбаясь, мистриссъ Седли.

Ребекка въ самомъ дѣлѣ не знала, что такое *curry*.

– Ну; какъ вамъ нравится индійскій вкусъ? спросилъ мистеръ Седли.

– Прекрасно! проговорила сквозь слезы Ребекка, начинавшая испытывать отчаянную муку отъ наперченного куска.

– Прибавьте сюда немножко чили, и вы увидите: кушанье что въ ротъ, то спасибо, сказалъ Джозефъ, заинтересованный этимъ національнымъ предметомъ.

– Чили! Ахъ, дайте, это должно быть превосходно, проговорила Ребекка, задыхаясь.

Ее соблазнилъ цвѣтъ стручковаго перца, который, думала она, служить, вѣроятно, противодѣйствию жгучему свойству индійскаго блюда; но вышло на повѣрку, что вкусъ чили былъ совершенно невыносимымъ для европейской натуры. Кровь запылала въ жилахъ молодой дѣвушки, и ложка выпала изъ ея рукъ.

– Воды, воды, ради Бога, воды! закричала миссъ Ребекка.

Старикъ Седли разразился громкимъ смѣхомъ и, очевидно, любовался страданіями своей гостыи. Какъ человѣкъ, проводившій большую часть времени на биржѣ, онъ любилъ шутки всякаго рода, и теперь веселился на-славу.

– Самбо, подай воды миссъ Шарпъ, сказалъ онъ, продолжая заливаться отчаяннымъ смѣхомъ.

Отеческій хохоть заразилъ и сына, который тоже, съ своей стороны, видѣлъ въ этомъ обстоятельстве превосходную шутку. Дамы, напротивъ, улыбались очень скромно, рассчитывая весьма основательно, что бѣдная Ребекка страдаетъ не на шутку. Впрочемъ, стаканъ воды съ успѣхомъ залилъ огонь, пожиравшій ея внутренность, и молодая дѣвушка, оправившись отъ неприятнаго волненія, проговорила съ добродушнымъ и комическимъ видомъ:

– Благодарю васъ, господа, теперь по крайней мѣрѣ индійскія блюда для меня не новость. Сама виновата: мнѣ бы слѣдовало вспомнить про сливочные торты индійской принцессы, о которыхъ говорится въ арабскихъ сказкахъ. Кстати; мистеръ Седли, кладутъ ли у васъ въ Индіи стручковый перецъ въ сливочные торты?

Старикъ Седли принялся хохотать опять, и подумалъ, что Ребекка дѣвушка не робкаго десятка. Джозефъ отвѣчалъ простодушно:

– Сливочные торты, сударыня? Такихъ диковинокъ въ Индіи не водится. Бенгальскія сливки суцая дрянь. Мы обыкновенно употребляемъ козье молоко, и это, скажу я вамъ, славнецкая штука!

– Не вѣрьте, миссъ Шарпъ, скоро вы убѣдитесь, что вся ихъ Индія не стоитъ вашей улыбки, остроумно замѣтилъ старикъ Седли, вставая изъ-за стола.

Какъ-скоро дамы удалились изъ столовой, старикъ, сдѣлавъ выразительный жестъ, замѣтилъ своему сыну:

– Берегись, Джой, эта дѣвчонка какъ-разъ запутаеъ тебя.

– Вотъ вздоръ! Видаль я и не такіе виды, сказалъ Джой съ самодовольнымъ видомъ. Была одна дѣвушка въ Думдумѣ, лакомый кусочекъ, нечего сказать; дочь Кутлера; я говорилъ вамъ о немъ передъ обѣдомъ; онъ еще женатъ на вдовѣ, и служить докторомъ въ артиллерійскомъ полку, славный малый, и дочка его ухаживала за мной два года сряду; да что тутъ толковать? Муллигетони, тоже чудесный молодой человѣкъ, и гораздъ, что называется на всѣ руки; онъ судья въ бюджетуджской ратушѣ, и скоро, я полагаю, будетъ засѣдать въ совѣтѣ; чудесный человѣкъ. Такъ вотъ, сударь мой, баць-баць любовное ядро, а Квинтинъ и говорить, – вы еще не знаете Квинтина? Забіяка, сударь мой, и молодець съ головы до пятокъ. «Седли, говорить онъ, то-есть, Квинтинъ, сударь мой, «держу, говорить, сто противъ одного, что Софья Кутлеръ подцѣпитъ тебя или Муллигетони; не успѣешь; говорить, мигнуть, а дѣло въ шляпѣ». Пустяки, говорю, куда ей! А портвейнъ, смѣю сказать, превосходный. Изъ какого погребца, сударь мой?...

Легкій храпъ былъ единственнымъ отвѣтомъ; почтенный негоціантъ успокоился въ сладкомъ снѣ, и конецъ джозефовой исторіи скрылся подъ спудомъ на этотъ день. Джозефъ Седли, должно замѣтить, былъ чрезвычайно разговорчивъ въ обществѣ мужчинъ, и эту самую исторію онъ рассказывалъ больше двадцати разъ своему доктору, мистеру Голлопу, когда тотъ приходилъ освѣдомляться насчетъ его печени.

Принужденный, по предписанію врача, соблюдать строгую діету, Джозефъ Седли удовольствовался на этотъ разъ только полубутылкою портвейна, за исключеніемъ двухъ стакановъ ост-индской мадеры, выпитой въ продолженіе обѣда. Для освѣженія желудка, онъ ску-

шаль также тарелку малины съ сахаромъ и сливками, и дюжину кондитерскихъ пирожковъ, лежавшихъ передъ нимъ. Кончивъ этотъ десертъ, молодой человекъ погрузился въ глубокую думу насчетъ молодой дѣвушки, побѣжавшей навѣрхъ съ его матерью и сестрой.

– Веселая креатурка, нечего сказать, думалъ Джозефъ Седли, и умна; и мила, и остроумна. Какъ она смотрѣла, когда я поднялъ за столомъ ея платокъ! А она, какъ нарочно, роняла его два раза. Кто это поетъ въ гостиной? Уфъ! заливается какъ канарейка. Пойду, посмотрю.

Но вдругъ скромность и застѣнчивость обуяли его съ неимоверною силой. Онъ призадумался, и сталъ среди комнаты въ нерѣшительной позѣ. Отецъ его храпѣлъ, шляпа лежала въ залѣ на столѣ; одноколка стояла у подъѣзда: великій соблазнъ!

– Нѣтъ, ужь поѣду лучше въ балетъ, сказалъ Джозефъ Седли, и на цыпочкахъ выюркнулъ изъ комнаты, не потревоживъ своего почтенного родителя.

– Джозефъ уѣхалъ, маменька! вскричала Амелія, смотрѣвшая на улицу изъ окна гостиной, между-тѣмъ какъ Ребекка сидѣла за фортепіано.

– Это вы спугнули его, миссъ Шарпъ, сказала мистриссъ Седли. Бѣдный Джой, долго ли онъ будетъ такъ робокъ?

Глава IV

Зеленый шелковый кошелек

Панический страх бѣдного Джоя продолжался два или три дня, и въ этотъ промежутокъ онъ не навѣщалъ родительского дома. Ребекка ни раза этимъ временемъ не заикнулась о мистерѣ Джозефѣ. Зато она была преисполнена почтительной благодарности къ мистриссъ Седли, и восхищалась съ дѣтскою наивною всѣми чудесами, какія ей показывали. Она дивилась всякой бездѣлицѣ въ модныхъ магазинахъ, и утопала въ океанѣ наслажденій, когда сидѣла въ театральной ложѣ съ своей подругой, глядя на великолѣпный спектакль.

Однажды у Амеліи разболѣлась голова, и она не могла выѣхать на вечеръ, куда приглашены были обѣ молодыя дѣвицы. Ребекка ни за что не рѣшалась оставить свою подругу.

– Какъ, мой ангель, оставить тебя въ этомъ положеніи! восклицала она изъ глубины души. Никогда, никогда! Не ты ли въ первый разъ показала бѣдной сиротѣ, что такое счастье и любовь въ ея жизни?

При этомъ глаза ея, орошенные слезами, устремились къ небу, и мистриссъ Седли благодарила судьбу, что дочь ея отыскала подругу съ такимъ благороднымъ сердцемъ.

Старикъ Седли до страсти любилъ шутки всякого рода, и воображалъ себя первѣйшимъ острякомъ въ своемъ кругу; миссъ Шарпъ наивно улыбалась при каждомъ его словѣ, и этимъ невиннымъ средствомъ умѣла въ короткое время привлечь къ себѣ благосклонность старика. Но не одни представители дома полюбили молодую и прекрасную гостью. Ребекка оказывала глубочайшее сочувствіе къ мистриссъ Бленкиншопъ, домовою ключницѣ, и при каждомъ случаѣ удивлялась необыкновенному ея искусству готовить малиновое варенье. Обращаясь къ черному слугѣ, она величала его не иначе какъ «сэръ» или «мистеръ Самбо», и нужно было видѣть; съ какою ловкостью извинялась она передъ горничной, когда по звонку колокольчика та приходила въ ея комнату. Словомъ, миссъ Шарпъ угодила всѣмъ, и всѣ были безъ ума отъ миссъ Шарпъ.

Однажды, пересматривая рисунки, привезенные Амеліей изъ пансіона. Ребекка вдругъ залилась горькими слезами, и поспѣшно оставила комнату. Это было въ тотъ день, когда Джозефъ Седли подкатилъ опять на своей одноколкѣ къ родительскому дому. Амелія побѣжала за своей подругой, и черезъ минуту воротилась въ большомъ волненіи, узнавъ причину ея внезапной грусти.

– Отецъ ея, вы знаете, маменька, былъ у насъ въ Чизвиккѣ рисовальнымъ учителемъ, и при взглядѣ на мои рисунки, она живо припомнила, какъ онъ поправлялъ ихъ. Печальныя воспоминанія для бѣдной сироты!

– Какая чувствительность! какое нѣжное сердце! воскликнула мистриссъ Седли.

– Не мѣшало бы ей пробить у насъ еще недѣльку, сказала Амелія.

– Она демонски похожа на миссъ Кутлеръ, которую я знавалъ въ Думдумѣ, только гораздо лучше ея; надобно сознаться, замѣтилъ Джозефъ Седли, бывшій свидѣтелемъ всей этой сцены. Софья Кутлеръ теперь вышла замужъ за лекаря артиллерійскаго полка, а то; бывало, мы того... Знаете ли; маменька? Однажды пріятель мой Квинтинъ вздумалъ держать пари...

– Мы знаемъ эту исторію, Джозефъ, сказала Амелія улыбаясь. Пересказывать нѣтъ надобности, а ты лучше упроси маменьку написать письмо къ какому-то сэру Кроли, чтобъ онъ не торопился брать отъ насъ Ребекку.

– Что это за Кроли? Сынъ его не служилъ ли у насъ въ Индіи въ драгунскомъ полку? Въ такомъ случаѣ, я съ нимъ знакомъ.

– И прекрасно, стало-быть, ты можешь написать самъ... но вотъ и Ребекка; какіе у нея заплаканные глаза!

– Мнѣ теперь лучше, покорно васъ благодарю, сказала молодая дѣвушка, почтительно цалуя протянутую руку мистриссъ Седли. Какъ вы всѣ добры ко мнѣ! Да, всѣ, прибавила она съ невинной улыбкой, кромѣ васъ, однакожь, мистеръ Джозефъ.

– Кромѣ меня! воскликнулъ Джозефъ въ величайшемъ испугѣ. Великій Боже! какъ это, кромѣ меня, миссъ Шарпъ?

– Точно такъ. Не жестоко ли было съ вашей стороны запотчивать меня этимъ ужаснымъ блюдомъ? Да, мистеръ Джозефъ, вы ко мнѣ совсѣмъ не такъ добры, какъ ваша сестрица.

– Не мудрено: братъ еще не знаетъ тебя, какъ я, возразила Амелія.

– Онъ узнаетъ васъ и полюбитъ больше всѣхъ насъ; за это ручаюсь, сказала мистриссъ Седли.

– А пилавъ былъ превосходный, совершенно въ индѣйскомъ вкусѣ, сказалъ Джой серьезнымъ тономъ. Недоставало развѣ лимонной кислоты немножко; но это можетъ различить только знатокъ.

– Какъ понравились тебѣ чили?

– Демонски-хороши. Охъ, какъ же вы заплакали, миссъ Шарпъ! воскликнулъ Джой, припоминая смѣшную сторону этого обстоятельства, и раздражаясь внезапно громкимъ хохотомъ, который, однакожь, кончился мгновенно, безъ дальнѣйшихъ послѣдствій.

– Впередъ, надѣюсь, вы меня не проведете, мистеръ Джозефъ, сказала Ребекка, когда они спускались по лѣстницѣ въ столовую; я не воображала, что мужчины такъ любятъ дурачить бѣдныхъ дѣвушекъ.

– Миссъ Ребекка, клянусь, я не думалъ нанести вамъ ни малѣйшаго оскорбленія!

– Вѣрю и безъ клятвы, что вы благороднѣйшій человѣкъ, мистеръ Джозефъ.

И она слегка пожала его руку своею маленькой ручкой; но тутъ же оробѣла и, отпрянувъ назадъ, взглянула сперва на его лицо, и потомъ на узоры на коврахъ. Сердце молодого человѣка забило сильную тревогу.

Это былъ уже значительный шагъ впередъ и, я знаю, нѣкоторыя леди готовы будутъ осудить мою нескромную героиню; но прошу припомнить еще разъ, что бѣдная Ребекка должна была собственными средствами устраивать свою судьбу. Если нѣтъ у васъ слуги, вы поневолѣ сами метете свою комнату и чистите платье собственными руками; если у молодой красавицы нѣтъ маменьки, она поневолѣ изворачивается собственными средствами, заискивая на всякой случай благосклонное вниманіе молодыхъ людей. И какъ это хорошо; что женщинамъ не суждено въ этомъ мірѣ гораздо чаще обнаруживать надъ нами свою непосредственную власть! При другомъ порядкѣ дѣлъ; мы были бы рѣшительно беззащитны передъ ними. Пусть женщина сама обнаружитъ свою склонность и, я убѣжденъ, мужчина падетъ къ ея ногамъ, хотя бы она была безобразна и стара. И это я утверждаю какъ положительную истину, возведенную на степень аксіомы въ моихъ глазахъ. Итакъ поблагодаримъ судьбу за существующій порядокъ; невѣсты наши то же что дикіе звѣрки въ дремучемъ лѣсу. Онѣ сами не сознаютъ своей силы. Не будь на свѣтѣ тетушекъ и маменекъ, мы бы погибли невозвратно.

– Чортъ меня побери! думалъ Джозефъ, переступая за порогъ столовой, начинается опять со мной та же исторія, что въ Думдумѣ, когда я волочился за миссъ Кутлеръ. Неужели и теперь голова моя пойдетъ кругомъ!

За столомъ миссъ Ребекка Шарпъ шутила чрезвычайно нѣжно, и дѣлала весьма утонченные намеки на геройскую осанку индѣйскаго набоба. Что тутъ удивительного? Теперь она была почти какъ своя въ гостепріимной семьѣ, и молодыя дѣвушки любили другъ друга какъ родныя сестры. Это всегда бываетъ, когда двѣ незамужнія особы сходятся вмѣстѣ въ одномъ домѣ на десять дней.

Амелія, повидимому, совершенно вошла въ планы своей подруги, и старалась усердно запутать индѣйскаго набоба. Теперь весьма кстати пришло ей въ голову давнишнее обѣщаніе любезнаго братца.

– Помнишь ли, Джозеф? сказала она, ты когда-то обещал взять меня с собой в воксаль.

– Очень помню, отвечал набобъ, это было в прошлую пасху, когда ты приезжала из пансіона.

– Стало-быть, теперь ты можешь сдержать свое слово: мы поѣдемъ съ Ребеккой.

– Ахъ, какъ это будетъ хорошо! воскликнула Ребекка съ дѣтской наивностью, хлопая своими маленькими ручками.

Но тутъ она опомнилась и, укротивъ свой восторгъ, потупила глаза въ землю.

– Сегодня я не могу, сказалъ Джозефъ.

– Ну, такъ завтра, это будетъ все-равно, возразила сестра.

– Завтра мы не обѣдаемъ дома, замѣтила мистриссъ Седли.

– Неужели ты думаешь, мой другъ, что я на старости лѣтъ потащусь въ воксаль? сказалъ старикъ Седли, я бы совѣтовалъ и тебѣ не думать о такихъ пустякахъ.

– Какъ же отпустить дѣтей однихъ? возразила скромная супруга.

– Они будутъ не одни: Джозефъ не маленькій осель!

При этомъ остроумномъ замѣчаніи, даже мистеръ Самбо за буфетомъ разразился неистовымъ смѣхомъ. Самолюбіе набоба страдало невыносимо.

– Что съ тобой, Джой? Растегни корсетъ, любезный, продолжалъ неумолимый старикъ, спрысните его водой, миссъ Шарпъ, не то онъ упадетъ въ обморокъ. Или, всего лучше, отнесите его наверхъ, миссъ Шарпъ. Бѣдный ребенокъ! Отнесите его, онъ вѣдь легокъ какъ перо.

– Батюшка! Что вы подъ этимъ разумѣете? проревѣлъ мистеръ Джозефъ.

– Самбо, приведи слоновъ для мистера Джозефа, не то его самъ чортъ не своротитъ съ мѣста!

Видя однакожь, что молодой человекъ готовъ расплакаться отъ внутренней пытки, старый шутникъ приостановилъ свой смѣхъ и, протягивая руку сыну сказалъ:

– Ну, помиримся, любезный, на биржѣ все обстоитъ благополучно, и слоновъ я не стану требовать для тебя. Самбо, принеси намъ бутылку шампанского. Такого вина, мой другъ, тебѣ не продадутъ въ Калькуттѣ ни за миллионъ.

Пять бокаловъ шампанского возстановили совершеннѣйшимъ образомъ спокойствіе въ душѣ мистера Джозефа; онъ повеселѣлъ, развернулся и повторилъ свое торжественное обѣщаніе отправиться съ дѣвцами въ воксаль.

– Надобно, однакожь, приискать еще кавалера, сказалъ старикъ, обращаясь къ своей супругѣ; Джой, безъ сомнѣнія, забудетъ сестру, и она пропадетъ въ толпѣ. Миссъ Шарпъ, конечно, завладѣетъ имъ одна на весь вечеръ. Написать записку къ Джорджу Осборну.

При этомъ имени, я не знаю почему, мистриссъ Седли взглянула на своего супруга и засмѣялась. Глаза мистера Седли заморгали неописанно лукавымъ образомъ, и онъ взглянулъ на миссъ Амелію. Амелія опустила голову и покраснѣлась, какъ-только умѣютъ краснѣть семнадцатилѣтнія дѣвицы, но Ребекка Шарпъ сохраняла совершеннѣйшее присутствіе духа: она краснѣла только одинъ разъ въ жизни, когда дѣвочкой семи лѣтъ ей удалось унести изъ буфета кусокъ пирога.

– Пусть лучше Амелія напишетъ сама, сказалъ отецъ, и Джорджъ Осборнъ явится передъ ней, какъ листъ передъ травой. Кстати, онъ полюбуется на ея почеркъ, и увидитъ, что мы не напрасно прожили шесть лѣтъ у старухи Пинкертонъ. А помнишь ли, Эмми, когда ты въ первый разъ нацарапала ему записку съ грамматическими ошибками?

– О, это было давно, папенька! сказала Амелія.

– А мнѣ кажется не дальше какъ вчера, сказала мистриссъ Седли своему супругу; ахъ, Боже мой; какъ скоро летитъ время, Джонъ, и какъ скоро мы старѣемся, мой другъ!

Въ этотъ вечеръ, въ малиновой комнатѣ второго этажа, гдѣ стояла постель на высокихъ столбахъ, завѣшенная со всѣхъ сторонъ розовымъ ситцомъ съ индійскими узорами, мистриссъ

Седли, въ частной аудіенціи, сообщила своему супругу нѣсколько замѣчаній относительно его жестокого обращенія съ сыномъ.

– Право, мой другъ, вѣдь это безчеловѣчно съ твоей стороны, сказала мистриссъ Седли, что за удовольствіе находишь ты мучить молодого человѣка?

– Послушай, моя милая, возразилъ супругъ въ защиту своего поведенія, Джой мелочень до крайности, и тщеславенъ гораздо болѣе, чѣмъ ты была тщеславна въ свое время, а это слишкомъ много! Ну, это совсѣмъ другая статья; тебѣ простительно было лѣтъ за тридцать назадъ, въ тысяча-семьсотъ-восемидесятомъ, наприимѣръ, ты имѣла нѣкоторое право. Я и не спорилъ, потому-что это была въ порядкѣ вещей; но я терпѣть не могу этой суетности, этого приторного жеманства, которое на-бѣду замѣчаю въ своемъ сынѣ. Это, вѣдь, изъ рукъ вонъ, мой другъ: дѣтина только и думаетъ о себѣ, воображая, что онъ первый красавецъ въ мірѣ. Мы еще живемъ съ нимъ бездну хлопотъ; помяни мое слово. Вотъ теперь волочится за нимъ подруга Эмми, прехитрая дѣвчонка; сколько я вижу; не она, такъ другая, а ужъ онъ непременно попадетъ въ просакъ. Этому человѣку суждено быть жертвой какой-нибудь кокетки: это для меня ясно какъ день. Еще надобно благодарить судьбу, что до сихъ поръ онъ не вывезъ къ намъ изъ Индіи какую-нибудь черную невѣстку; но будь увѣрена, мой другъ, его непременно подцѣпитъ первая кокетка, которой вздумается обратить на него свое вниманіе.

– Въ такомъ случаѣ, завтра же мы отправимъ на мѣсто эту дѣвушку, сказала мистриссъ Седли взволнованнымъ тономъ. Было ясно, что опасенія супруга казались ей довольно основательными.

– Зачѣмъ же, мой другъ? Не она, такъ другая, это совершенно все-равно. У Ребекки, по крайней мѣрѣ, бѣлое лицо, и этимъ надобно дорожить. По мнѣ, впрочемъ, все-равно, на комъ бы онъ не женился. Пусть хлопочетъ о себѣ самъ.

Голоса супруговъ постепенно смолкли, и смѣнились весьма не гармоническимъ храпомъ. Былъ часъ за полночь, какъ возвѣстилъ объ этомъ уличный ночной сторожъ; домъ негоціанта Джона Седли на Россель-Скверѣ погрузился въ глубокой сонъ.

Утро вечера мудренѣе, и поутру добрая мистриссъ Седли совершенно выбросила изъ своей головы грозныя мысли въ отношеніи къ миссъ Шарпъ. Материнская ревность, очень естественная и даже похвальная въ извѣстныхъ случаяхъ, уступила на этотъ разъ свое мѣсто тихой и нѣжной привязанности, которую невольно внушила къ себѣ почтительная дѣвушка; одаренная такими блистательными талантами. Немедленно отправили просьбу къ сэру Питту Кроли, и въ тотъ же день получили вождельнную отсрочку для миссъ Ребекки Шарпъ.

Все, казалось, содѣйствовало къ благополучію молодой дѣвушки, и самыя стихіи природы, повидимому, работали съ нею за одно, хотя Ребекка думала сперва, что онѣ вооружаются противъ нея. Громъ и молнія какъ нарочно разразились въ тотъ самый вечеръ, когда молодые люди должны были отправиться въ воксаль. Стариковъ не было дома: они обѣдали въ этотъ день у богатого негоціанта въ Гайбери-Борнѣ. Молодые люди, отложивъ поѣздку въ воксаль, остались дома, и съ ними былъ теперь мистеръ Джорджъ Осборнъ, явившійся по приглашенію на Россель-Скверъ. Мистеръ Осборнъ, казалось, радъ былъ счастливому обороту дѣла, избавившему его отъ необходимости любезничать въ душномъ воксалѣ. Онъ и Джозефъ Седли, засѣдая послѣ обѣда въ столовой, tkte-à-tkte, выпили значительную порцію портвейна, при чемъ веселый Джой расказалъ множество забавныхъ анекдотовъ изъ индійской жизни, потому-что, какъ мы замѣтили, былъ онъ чрезвычайно разговорчивъ въ обществѣ мужчинъ. Затѣмъ, миссъ Амелія Седли хозяйничала въ гостиной; всѣ были веселы и довольны, и всѣ единогласно объявили, что громъ и молнія оказали имъ на этотъ разъ чрезвычайно важную услугу.

Джорджъ Осборнъ, крестникъ старика Седли, былъ почти членомъ семейства въ его домѣ. Въ своемъ дѣтствѣ онъ и жилъ на Россель-Скверѣ. Младенцомъ шести недѣль, онъ получилъ въ подарокъ отъ Джона Седли серебряную чашку, и потомъ еще черезъ шесть недѣль Джонъ Седли подарилъ ему коралловую погремушку съ бубенчиками и золотыми колокольчи-

ками. Въ первые лѣта юности, маленькій Джорджъ прїѣзжалъ на святки и каникулы гостить къ своему крестному отцу, и онъ очень хорошо помнилъ, какъ въ этотъ періодъ времени, однажды, при возвращеніи въ школу, Джозефъ Седли отколотилъ его за какую-то проказу: ему было тогда десять лѣтъ, и Джозефъ казался передъ нимъ огромнымъ дѣтиной. Словомъ, Джорджъ Осборнъ былъ домашнимъ человѣкомъ въ этомъ почтенномъ семействѣ въ Россель-Скверѣ.

– Помнишь ли, Седли, сказалъ мистеръ Осборнъ, какъ ты окрысился на меня однажды, когда я отрѣзалъ кисточки отъ твоихъ гессенскихъ сапоговъ? И, Боже мой, какъ плакала тогда малютка Амелія, упрашивая на колѣняхъ своего буяна-братца пощадить маленького Джорджа.

Джой совершенно помнилъ это характеристическое обстоятельство; но притворился, будто совсѣмъ забылъ.

– А помнишь ли, какъ передъ отѣздомъ въ Индію, ты прїѣзжалъ проститься къ моему отцу? Ты еще далъ мнѣ полгиinei и, въ добавокъ, шлепнулъ меня по головѣ. Мнѣ казалось, что ты ростомъ по крайней мѣрѣ въ двѣ сажени и, можешь представить, какъ я удивился, когда по возвращеніи изъ Индіи ты оказался отнюдь не выше меня.

– Если мистеръ Седли давалъ вамъ деньги, это показываетъ, что у него было чувствительное сердце, замѣтила Ребекка, дѣлая умильные глазки.

– Конечно, и это видно изъ того, между-прочимъ, что онъ отколотилъ меня за гессенскіе сапоги, сказалъ мистеръ Осборнъ. Дѣти никогда не забываютъ ни подарковъ, ни колотушекъ.

– Мнѣ ужасно нравятся гессенскіе сапоги, сказала Ребекка.

Джой Седли особенно дорожилъ этой статьєю въ своемъ щегольскомъ костюмѣ, и комплиментъ молодой дѣвушки приишлся какъ нельзя больше по его вкусу. Онъ величественно протянулъ свои ноги изъ-подъ кресель.

– Миссъ Шарпъ! воскликнулъ Джорджъ Осборнъ, вы, какъ превосходная артистка, обязаны создать великую историческую картину изъ этой сцены сапоговъ, и вотъ вамъ программа: Джозефъ Седли стоитъ у крыльца, бросая невыразимо-грустный взглядъ на изуродованныя кисти; одна его рука въ воздухъ, а другою онъ вцѣпился въ воротникъ моей дѣтской рубашки; передъ нами на колѣняхъ маленькая Амелія съ распущенными волосами и поднятыми къ небу руками. Вся картина должна имѣть аллегорическій смыслъ, который предоставляется вашей изобрѣтательности.

– Картина будетъ написана, но не теперь, сказала Ребекка. Я примусь за работу, когда меня не будетъ больше въ этомъ домѣ.

Ея голосъ понизился, глаза потускнѣли, и каждый долженъ былъ увидѣть, какъ грустить бѣдная дѣвушка при мысли о скорой разлукѣ.

– Останься съ нами подольше, Ребекка, сдѣлай милость, сказала Амелія.

– Къ чему? Зачѣмъ? отвѣчала миссъ Шарпъ невыразимо-грустнымъ тономъ. Какой-нибудь мѣсяць, и тоска... мнѣ будетъ очень не прїятно васъ оставить.

И она отвортила свою головку. Амелія заплакала, и старалась сквозь слезы утѣшить свою печальную подругу; мы уже говорили, что неумѣстное пролитіе слезъ было единственнымъ недостаткомъ этого слабого созданія. Джорджъ Осборнъ смотрѣлъ на молодыхъ дѣвушекъ съ трогательнымъ любопытствомъ; Джозефъ Седли, понуривъ голову, безмолвно любовался на свои гессенскіе сапоги.

– Сыграйте намъ что-нибудь, миссъ Седли... Амелія, сказалъ мистеръ Осборнъ, почувствовавшій въ эту минуту непреодолимое желаніе поцеловать молодую дѣвушку, и прижать ее къ своему сердцу.

Амелія тоже взглянула на молодого человѣка съ необыкновенной нѣжностью; но вы жестоко ошибетесь, если подумаете, что юноша и дѣва только сію минуту влюбились другъ въ друга. Говоря откровенно, они были предназначены къ этой любви съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ, и родители уже давно, въ семейномъ совѣтѣ, провозгласили ихъ женихомъ и невѣстой. Этотъ фактъ былъ извѣстенъ молодымъ людямъ. Теперь они удалились въ другую комнату, гдѣ сто-

яло фортепьяно, и, такъ-какъ было довольно темно, Амелія, съ дѣтскою невинностью, взяла руку мистера Осборна въ свою маленькую ручку, и они дружелюбно усѣлись на одномъ изъ мягкихъ оттомановъ. Мистеръ Джозефъ и Ребекка остались одни, съ глаза-на-глазъ? въ гостиной за столомъ, гдѣ миссъ Шарпъ, отъ нечего-дѣлать, принялась вышивать зеленый, шолковый кошелекъ.

– Кажется, нѣтъ никакой надобности спрашивать о фамильныхъ секретахъ, сказала миссъ Ребекка, молодые люди высказались сами.

– Да, у нихъ ужъ давно идетъ дѣло на лады, отвѣчалъ Джозефъ, эта матерія конченная. Впрочемъ, что жъ такое? Осборнъ чудесный малый.

– Сестрица ваша тоже прелестная, предостойная дѣвушка, сказала Ребекка. Счастливы тотъ мужчина, который удостоился ея любви!

И съ этими словами, миссъ Ребекка Шарпъ испустила глубокой вздохъ.

Когда двѣ молодыя особы разного пола сходятся вмѣстѣ, и начинаютъ, какъ теперь, разсуждать о предметахъ деликатного свойства, искренность и довѣренность между ними устанавливаются безъ малѣйшихъ затрудненій. Мы, впрочемъ, не считаемъ нужнымъ представлять подробный отчетъ о бесѣдѣ между мистеромъ Седли и молодой дѣвушкой, вязавшей кошелекъ; бесѣда, какъ можно судить по ея началу, не отличалась особеннымъ остроуміемъ или краснорѣчіемъ. Да и часто ли вы встрѣчаете остроумный разговоръ въ дружескихъ кружкахъ? Только въ романахъ и драматическихъ произведеніяхъ предоставляется дѣйствующимъ лицамъ изливать на своихъ читателей потоки великолѣпныхъ остроумствъ; но мы пишемъ не романъ... Такъ-какъ въ сосѣдней комнатѣ занимались музыкой, то Ребекка и Джозефъ, для соблюденія приличій, разговаривали втихомолку, хотя, быть-можетъ, эта деликатность съ ихъ стороны была въ настоящемъ случаѣ совершенно неумѣстной.

Почти первый разъ въ жизни мистеръ Джозефъ Седли былъ наединѣ съ молодой дѣвушкой. Къ удивленію своему, онъ не чувствовалъ ни малѣйшей робости, и языкъ его постепенно расшевелился. Миссъ Ребекка предложила ему нѣсколько вопросовъ насчетъ Индіи, и это подало ему поводъ рассказать множество интересныхъ анекдотовъ, какъ относительно этой страны, такъ и о собственной особѣ. Онъ описывалъ вечера и балы въ губернаторскомъ домѣ и замысловатая средства, которыми поддерживался холодъ въ этой знойной странѣ; рисовалъ остроумныя каррикатуры шотландскихъ офицеровъ въ индійской службѣ и, наконецъ, краснорѣчиво изобразилъ страшную охоту за тигромъ, гдѣ онъ самъ лично подвергся большой опасности. Ребекка приходила въ восторгъ отъ губернаторскихъ баловъ, смѣялась отъ всего сердца надъ шотландскими офицерами, и пришлавъ неописанный ужасъ, когда рѣчь зашла о тигровой охотѣ.

– Ради вашей матушки, мистеръ Седли, сказала она, съ трудомъ переводя духъ отъ крайняго испуга, ради всѣхъ вашихъ друзей, дайте мнѣ слово, что вы никогда впередъ не будете отправляться въ эти страшныя экспедиціи.

– Что съ вами? Что съ вами, миссъ Шарпъ? сказалъ индійскій набобъ, гордо поправляя накрахмаленный воротникъ своей рубашки, чѣмъ больше опасности, тѣмъ больше славы, и такія охоты, скажу я вамъ, содѣйствуютъ, нѣкоторымъ образомъ, къ возвышенію духа.

Мистеръ Седли, сказать правду, всего одинъ только разъ участвовалъ въ тигровой охотѣ, да и то чуть не умеръ отъ страха еще прежде, чѣмъ увидѣлъ лютого звѣря. Но рассказывая теперь объ этомъ трагическомъ событіи онъ становился смѣлѣе и, наконецъ, расхрабрился до такой степени, что осмѣлился даже спросить:

– Для кого это, миссъ Шарпъ, вяжете вы этотъ шолковый кошелекъ?

– Для того, кто имѣетъ нужду въ кошелькѣ, отвѣчала Ребекка, подаривъ своего собесѣдника очаровательнѣйшей улыбкой.

Мистеръ Седли, отъ полноты восторга; не чувствовалъ земли подъ собою, и уже собирався произнести торжественную рѣчь, которая начиналась такимъ образомъ: «О, миссъ

Шарпъ! какъ»... но въ эту минуту въ другой комнатѣ только-что кончилась какая-то арія, мистеръ Седли ясно слышалъ свой собственный голосъ; покраснѣлъ до ушей, и остановился.

– Слыхали ли вы когда что-нибудь похожее на краснорѣчіе вашего братца? шепнулъ мистеръ Осборнъ Амеліи. Подруга ваша творить, просто, чудеса,

– Тѣмъ лучше, я очень рада, сказала миссъ Амелія.

Дѣло въ томъ, что эта молодая дѣвица, какъ и всѣ дочери общей нашей праматери, была порядочной свахой въ душѣ, и теперь приходила въ восторгъ при мысли, что братецъ ея доѣдетъ въ Индію съ женой. Ктому же, въ этотъ послѣдній промежутокъ времени, она почувствовала необыкновенную привязанность къ Ребеккѣ, и открыла въ ней миллионъ такихъ совершенствъ, которыя прежде совершенно ускользали отъ ея вниманія на Чизвикскомъ проспектѣ. Замѣчео давно, и мы подтверждаемъ торжественно, что привязанность молодыхъ дѣвушекъ растетъ не по днямъ, а по часамъ. Доказано также нѣмецкими философами, къ которымъ мы питаемъ глубочайшее уваженіе, что эта женская «*Selmsucht nach der Liebe*» иногда испаряется послѣ свадьбы; но мы съ своей стороны отнюдь не намѣрены обвинять за это женскій полъ. Чего хотите вы, если идеалъ нѣжной страсти немедленно превращается въ какого-нибудь пузанчика съ краснымъ носомъ, и если... но объ этомъ рѣчь впереди.

Миссъ Амелія между-тѣмъ истощила весь запасъ музыкальныхъ арій, и теперь было очень кстати попросить Ребекку занять ея мѣсто за роялемъ.

– Вы никогда не стали бы меня слушать, если бы напередъ слышали Ребекку, сказала Амелія мистеру Осборну.

– Я готовъ отдать полную справедливость миссъ Шарпъ, сказалъ Осборнъ, но увѣряю напередъ, что въ моихъ глазахъ, миссъ Амелія Седли первая пѣвица въ мірѣ.

– Сейчасъ вы перемѣните ваше мнѣніе, сказала Амелія, когда Ребекка подошла къ фортепьяно.

Мистеръ Джозефъ Седли былъ теперь столько учтивъ, что самъ зажегъ свѣчи, и поставилъ ихъ на фортепьяно. Осборнъ сдѣлалъ замѣчаніе, что гораздо было бы удобнѣе сидѣть въ потьмахъ; но миссъ Седли, улыбаясь, уклонилась отъ удовольствія вести съ нимъ дальнѣйшій разговоръ, и подошла къ своей подругѣ. Ребекка спѣла сперва французскій романсъ, въ которомъ мистеръ Седли не понялъ ни одного слова; затѣмъ нѣсколько національныхъ пѣсень, бывшихъ въ большой модѣ лѣтъ за сорокъ передъ этимъ. Любовь бѣдной Сусанны и несчастныя похождения голубоокой Маріи были, какъ водится, главнѣйшими тѣмами этихъ интересныхъ стихотвореній. Было бы весьма неосновательно назвать ихъ блистательными съ музыкальной точки зрѣнія; но совершенно справедливо, что нѣжная ихъ мелодія гораздо доступнѣе и пріятнѣе для національного слуха, чѣмъ эти неистовые *lagrime, sospiri* и безконечные *fùllicita* въ операхъ синьора Доницетти.

Чувствительная бесѣда, приспособленная къ случаю, наполняла антракты между пѣснями, которыя даже удостоились благосклонного вниманія всей домашней челяди. Кухарка, смазливая горничная, мистеръ Самбо и степенная мистриссъ Бленкиншопъ выступили общимъ хоромъ на лѣстничныя ступени, и съ восторгомъ слушали пѣвицу: разительное доказательство эстетического вкуса, заразившаго въ нашъ вѣкъ даже кухни и подвалы!

Въ заключеніе концерта, миссъ Ребекка Шарпъ пропѣла съ особеннымъ паѳосомъ удивительную балладу трагическаго содержанія, которая оканчивалась слѣдующими словами:

И вдругъ, съ разсвѣтомъ на зарѣ,
Ушла несчастная сиротка
Изъ хижины гостепріимной,
Оставивъ за собой,
И радость, и покой!

При этомъ, голосъ Ребекки задрожалъ, и она съ трудомъ могла произнести послѣдній стихъ. Похвалы и рукоплесканія огласили маленькую гостиную, и всѣ утопали въ восторгѣ. Какъ мелодія, такъ и содержаніе баллады удивительно согласовались съ положеніемъ безпріютной сироты, и каждый въ эту минуту сокрушался о ней всѣмъ сердцемъ и душою. Джозефъ Седли, безъ памяти любившій музыку, былъ теперь въ какомъ-то странномъ упоеніи, и глубоко растроганъ. Его сердце прониклось искреннимъ сочувствіемъ къ содержанію трагической баллады. Если бы у него было нѣсколько побольше храбрости, и если бы притомъ мистеръ Осборнъ своимъ присутствіемъ не помѣшалъ свободному изліянію нѣжныхъ чувствъ, нѣтъ сомнѣнія, холостая жизнь Джозефа Седли пришла бы къ своему желанному концу. Но въ концѣ пѣсни Ребекка оставила фортепьяно и, взявъ за руку Амелію, поспѣшно вышла въ другую комнату.

Въ эту минуту мистеръ Самбо явился съ огромнымъ подносомъ, на которомъ въ симметрическомъ порядкѣ были разставлены варенья, желе, бутерброды, графины и стаканы, обратившіе на себя пристальное вниманіе Джозефа Седли. Занятые интересными рассказами всякого рода, молодые люди совсѣмъ не слышали, какъ подѣхала карета, и старики воротились изъ гостей. Въ ту пору, когда старикъ Седли былъ уже въ комнатѣ, мистеръ Джозефъ рисовался передъ дѣвицею Шарпъ, и уговаривалъ ее краснорѣчивѣйшимъ образомъ скушать ложечку желе для возобновленія силъ послѣ такого *восхитительного, очаровательного* труда.

— Браво, Джозъ, браво! воскликнулъ мистеръ Седли, услышавъ рѣчь своего сына.

Джозефъ пришолъ въ крайнее смущеніе, и тотчасъ же поспѣшилиъ распространиться съ родительскимъ домомъ. Въ эту ночь онъ усердно занимался рѣшеніемъ вопроса: влюбленъ онъ, или нѣтъ, въ прелестную миссъ Шарпъ. «Какъ очаровательно она поётъ! Какъ хорошо, чортъ побери, говорить по французски!» восклицалъ мистеръ Седли, ворочаясь подъ теплымъ одѣяломъ въ своей постели, «лучше даже, чѣмъ губернаторская жена! Въ Калькуттѣ, нечего говорить, такая жена произведетъ удивительный эффектъ. Ну, это ясно, она врѣзалась въ меня по уши, продолжалъ думать мистеръ Седли. Что жъ? Зачѣмъ дѣло стало? Пусть она бѣдна; но развѣ богаче ея всѣ эти невѣсты, которыя пріѣзжаютъ въ Индію? «Нечего зѣвать, милашка ты этакой», заключилъ мистеръ Джозефъ, привѣтствуя себя нѣжнымъ титуломъ; «куй желѣзо, пока горячо, а то, пожалуй, попадешь въ такую труппу, изъ которой самъ дьяволъ не выручитъ тебя».

И съ этими пріятными мечтами онъ заснулъ.

Само-собою разумѣется, что миссъ Ребекка Шарпъ, воспрянувъ отъ сна на другой день, прежде всего предложила себѣ вопросъ: придетъ, или нѣтъ, сегодня индійскій набобъ? Ея сердце произнесло утвердительный отвѣтъ, и не ошиблось; мистеръ Джозефъ Седли явился передъ завтракомъ въ радужномъ блескѣ своей мужественной красоты. Такой почести еще ни разу не удостоивался отъ него родительскій домъ на Россель-Скверѣ.

Пришолъ и Джорджъ Осборнъ, прекратившій весьма некстати утреннія занятія миссъ Амеліи, которая писала двѣнадцатое письмо къ одной изъ своихъ подругъ. Ребекка дѣятельно продолжала свою вчерашнюю работу. Когда раздался громовый бой молотка, возвѣщавшій о прибытіи индійского сборщика пошлинъ и податей, мистеръ Осборнъ и Амелія обмѣнялись телеграфическими взглядами, и тутъ же бросили лукаво-многозначительный взоръ на миссъ Ребекку, которая на этотъ разъ дѣйствительно покраснѣла какъ роза, и безмолвно склонилась надъ своей работой. Ея локоны въ это утро были чудо какъ хороши и даже соблазнительны въ нѣкоторомъ смыслѣ. Легко вообразить, какую нѣжною страстью запылало и забилося сердце молодой дѣвушки, когда мистеръ Джозефъ заскрипѣлъ на лѣстницѣ своими гессенскими сапогами, и когда, наконецъ, предсталъ онъ собственной особой въ новомъ жилетѣ и въ чудномъ галстухѣ изъ индійской матеріи первого сорта. Это, можно сказать, была критическая минута для всей компаніи, и мы не знаемъ, почему Амелія испугалась больше всѣхъ,

Самбо, отворивший дверь и доложивший о прибытии мистера Джозефа, последовал за ним в гостиную с комической важностью, и представил глазам изумленной публики два превосходные букета цветов, которые, можете вообразить, купил никто другой, как сам индийский набоб, нарочно вздвигший за ними на коventь-гарденский рынок. Раскланиваясь и расшаркиваясь, мистер Джозеф подошел к молодым девушкам, и представил каждой из них по букету.

– Bravo, Джой! вскричал Осборн.

– Благодарю тебя, милый Джозеф, сказала Амелия, изъявившая готовность поцеловать любезного брата.

Но мистер Джой с непостижимым равнодушием отвернулся от прелестной сестрицы.

– О, небесные, божественные цветы! восклицала мисс Шарп, утопавшая, повидимому, в океан блаженства.

Она их целовала, прижимала букет к своему сердцу и, в припадке умиленной благодарности, возводила взор свой к потолку быть-может, мисс Ребекка заглянула сперва в букет, и поискала между *небесными* цветами *billet-doux*; но этого мы не смеем утверждать заподлинно. Записки не было.

– Что, Седли, в Индии у вас не водится обыкновения разговаривать посредством цветов? спросил мистер Осборн.

– Какой вздор! отвечал набоб, устремив гневный взор на мистера Осборна. Очень рад, что вам нравятся цветы: купил их сам в магазине жида Надана. Да вот еще; Амелия, мой друг, я купил в то же время чудесный ананас, который теперь у Самбо. Вели приготовить из него компот: чудесное блюдо в жаркую погоду!

Ребекка обнаружила сильнейшее желание кушать компот из ананаса.

Так начался разговор. обещавший плодотворные последствия; но неизвестно как это случилось, только мистер Осборн незаметно вышел из комнаты, и вслед за ним отправилась Амелия, вероятно для того, чтобы самой наблюдать за приготовлением ананасового компота. Джой остался один с Ребеккой, которая немедленно принялась за свой зеленый кошелек; блестящие иголки неумовимо начали скользить между ее тоненькими белыми пальчиками.

– Какую вы *без-без-безподобную* арию вчера изволили петь, несравненная мисс Шарп! Я, право, чуть не плакал, клянусь честью!

Так, после продолжительной паузы, открыл свою речь сборщик податей и пошлин.

– Я не удивляюсь, сказала Ребекка, у вас нежное чувствительное сердце, мистер Джозеф, и прекрасная душа.

– Я, знаете ли, не спал всю ночь; и мне все грезились ваша пьеса. Пропойте еще, мисс Шарп, для меня, сделайте милость.

– Нет, мистер Седли, не теперь! сказала Ребекка с глубоким вздохом.

– Почему же? Оно бы все равно и теперь.

– Нет, право... мои нервы несколько разстроены, и ктому же мне надобно поскорее кончить работу. Помогите мне, мистер Седли, взять этот кошелек.

И не спросив, каким образом может быть оказана подобная помощь, мистер Джозеф Седли, сборщик податей и пошлин Ост-индской компании, сидел, тке-à-тке, с молодой леди, бросая на нее самые зажигательные взгляды, причем его руки машинально бродили по шолковой ткани, дотрагиваясь повременам до нежных пальчиков мисс Ребекки.

Въ этомъ романическомъ положеніи Осборнъ и Амелія застали интересную чету, когда они пришли возвѣстить, что компотъ изъ ананаса дожидается ихъ въ столовой вмѣстѣ съ другими принадлежностями прохладительного завтрака. мистеръ Джой только-что начиналъ постигать организацію шолоковыхъ нитей, приспособленныхъ къ вязанію зеленыхъ кошельковъ.

– Сегодня вечеромъ, та сниге, онъ непремѣнно... вотъ увидишь, сказала Амелія, пожимая руку своей подруги.

«Была не была, я сегодня въ воксалъ пойду напропалую, чортъ меня побери!» думалъ мистеръ Джозефъ Седли, приготовляясь ѣсть ананасовый компотъ.

Глава V Другъ Доббинъ

Неожиданная ссора Коффа съ Доббиномъ и ея послѣдствія надолго останутся въ памяти всѣхъ и каждого, кто имѣлъ счастье получить воспитаніе въ знаменитомъ пансіонѣ доктора Свиштеля. Доббина первоначально кликали здѣсь не иначе какъ Доббинъ-Хорекъ; или Кукушка-Доббинъ, присовокупляя къ этому другіе энергическіе эпитеты весьма замысловатого свойства. Это былъ самый скромный, тихій, чрезвычайно неуклюжій и, повидимому, глупѣйшій изъ всѣхъ молодыхъ джентльменовъ въ учебномъ заведеніи доктора Свиштеля.

Отецъ Доббина былъ мелочнымъ торговцомъ въ Сити, и носился слухъ, вѣроятно справедливый, что онъ выплачивалъ за своего сына натурой, а не деньгами, представляя доктору Свиштелю каждую треть, по системѣ взаимного соглашенія, потребное количество сахара, сальныхъ и стеариновыхъ свѣчъ, душистого мыла, чая, изюма, чернослива и другихъ полезныхъ лакомствъ, необходимыхъ для десерта и приготовленія смачныхъ пуддинговъ. Въ воздаяніе за всѣ эти блага, юный Доббинъ пользовался привилегіей занимать между соучениками послѣднее мѣсто въ классѣ, гдѣ сидѣлъ онъ въ своихъ плебейскихъ штанахъ и сизой курткѣ, выставляя на показъ свой дюжія, огромныя кости. То былъ страшный, роковой день для юного питомца, когда одинъ изъ юнѣйшихъ, бѣгавшій въ городъ за секретной покупкой пряниковъ и коврижекъ, принесъ своимъ товарищамъ неожиданно радостную вѣсть, что онъ видѣлъ собственными глазами у докторского анбара неуклюжую, зеленую фуру, откуда выгружались товары мѣщанина Доббина, сахарника и маслобоя, торгующаго въ Сити, на Великорѣцкой улицѣ, въ лавкѣ подъ номеромъ такимъ-то.

Съ этой поры юный Доббинъ не имѣлъ уже покоя въ пансіонѣ доктора Свиштеля. Шутки и насмѣшки посыпались на него мелкой и крупной дробью безъ всякаго милосердія и пощады.

– Доббинъ, душа моя, кукушечка-Доббинъ, говорилъ одинъ острякъ, въ нынѣшнихъ газетахъ я вычиталъ пріятную новость для тебя. Сахаръ стануть дѣлать изъ желтой глины, и отецъ твой будетъ тузь.

Другой предлагалъ своимъ товарищамъ рѣшить математическую задачу слѣдующаго рода:

– Если фунтъ сальныхъ свѣчъ стоитъ, по нынѣшней цѣнѣ, семь пенсовъ съ половиной, то во сколько можно оцѣнить пѣтуха-Доббина.

Всѣ эти остроты; по обыкновенію, сопровождались громкимъ смѣхомъ со стороны дѣйствительныхъ джентльменовъ, смотрѣвшихъ свысока на торговлю сахаромъ и сальными свѣчами.

– Вѣдь и твой отецъ, Осборнъ, тоже купецъ, замѣтилъ Доббинъ, въ частной аудіенціи, черномазому мальчишкѣ, который накликалъ на него всю эту бурю.

– Неправда. Мой отецъ джентльменъ, и у него есть собственная карета! горделиво отвѣчала Осборнъ, бросивъ презрительный взглядъ на товарища.

Такимъ образомъ, мистеръ Вильямъ Доббинъ оставался одинокимъ въ кругу рѣзвыхъ мальчишекъ, и вель вообще горемычную жизнь. Въ рекреаціонные часы; когда весь пансіонъ предавался беззаботному разгулу на докторскомъ дворѣ, отверженный юноша забивался въ уединенный уголокъ, и соболѣзновалъ на-досугъ о своей злосчастной судьбѣ. Надобно отдать справедливость: наши англійскія школы, преимущественно тѣ, на которыя правительство не имѣетъ непосредственного вліянія, пропитаны злополучнымъ духомъ, и я не знаю въ Европѣ ни одной страны, которая въ этомъ отношеніи могла бы поверстаться съ великобританскимъ королевствомъ. Кто изъ насъ не воспоминаетъ съ замираніемъ сердца о болѣзненно-горестныхъ часахъ, проведенныхъ на школьной скамейкѣ? Кто въ свое время не терпѣлъ нравственной

пытки надъ этой негодной латынью, которою, Аллахъ вѣдаетъ ради какихъ причинъ, забиваютъ намъ голову чуть ли не отъ пелёнокъ?

И вотъ, по милости этой латыни, Вилльямъ Доббинъ принужденъ былъ считаться самымъ послѣднимъ ученикомъ въ докторскомъ пансіонѣ, гдѣ онъ казался настоящимъ гигантомъ между маленькими шалунами, истощавшими надъ нимъ силу своихъ врожденныхъ остротъ. Вижу будто сейчасъ, какъ идетъ онъ между ними съ своимъ несчастнымъ букваремъ, опустивъ голову въ землю и выдѣлывая преглупѣйшія мины. И чего не дѣлали надъ нимъ днемъ и ночью, въ классахъ и на дворѣ, въ рекреационные часы? Запустить ему въ носъ *снигиря*, то есть свернутую въ трубочку бумажку съ перцомъ, или засыпать ему ротъ табакомъ, когда онъ спалъ, считалось сущою бездѣлицой и самою позволительною шуткой. И все сносилъ терпѣливо бѣдный школьникъ; иѣзгой и загнанный въ дѣтскомъ кругу.

Совсѣмъ другая статья – мистеръ Коффъ. Это былъ денди въ учебномъ заведеніи доктора Свшителя. Онъ пилъ вино, курилъ трубку и храбро дрался съ мальчишками на улицѣ. По субботамъ приводили къ нему верховую лошадку съ шегольскимъ сѣдломъ и посеребренной уздечкой. Дома въ его комнатѣ стояли огромные ботфорты, въ которыхъ онъ по воскресеньямъ ѣздилъ на охоту. У него были золотые часы съ репетиціей, и серебряная табакерка, такая же какъ у самого доктора Свшителя. Онъ ѣздилъ въ оперу, и тономъ знатока судилъ объ актерахъ и актрисахъ. Мистеръ Коффъ, что называется, собаку съѣлъ въ латинскомъ языкѣ, и могъ забросать вась цитатами изъ Горация и Сенеки. Онъ писалъ греческіе гекзаметры, и сочинялъ французскіе стихи. Все зналъ мистеръ Коффъ, и не было для него тайнъ въ области искусства и науки. Носился слухъ, будто онъ въ состояніи за-поясъ заткнуть самого доктора Свиштеля.

Среди школы мистеръ Коффъ былъ, въ нѣкоторымъ смыслѣ, трех-бунчужнымъ пашою, и подъ его безконтрольной командой состояли всѣ юные питомцы. Одинъ чистилъ сапога мистера Коффа, другой бѣгалъ для него въ лавочку за колбасой, третій имѣлъ непосредственный надзоръ за его гардеробомъ, четвертый подавалъ ему шары, когда играли въ крикетъ, и такъ-далѣе, все въ этомъ родѣ. Одинъ кукушка-Доббинъ состоялъ постоянно подъ его опалой, и мистеръ Коффъ презиралъ его до такой степени, что даже не требовалъ отъ него услугъ, кромѣ весьма рѣдкихъ случаевъ, когда ему лѣнь было позвать къ себѣ достойнѣйшаго слугу.

Но вдругъ произошло совершенно-неожиданное столкновение между этими двумя юношами, альфой и омегой докторской школы. Это случилось такимъ образомъ: Кукушка сидѣлъ одинъ въ класной комнатѣ и сочинялъ письмо домой; въ это время Коффъ, воротившійся съ прогулки, вынулъ изъ кармана деньги, и приказалъ ему бѣжать въ мелочную лавку для покупки тминной коврижки.

– Не могу, сказалъ Доббинъ, мнѣ надобно докончить письмо.

– Ты не можешь? сказалъ Коффъ, вырвавъ документъ изъ рукъ слушника, ты не можешь?

Документъ содержалъ въ себѣ черновое письмо, набросанное весьма неискусною рукою, гдѣ граматическія ошибки рельефно перемѣшивались съ каплями слезъ, пролитыхъ на бумагу: бѣдный юноша писалъ къ своей матери, которая любила его нѣжно, хотя была женою мелочного лавочника и жила въ скромномъ домикѣ на Великорѣцкой улицѣ.

– Ты шутишь, кукушка, или нѣтъ?

– Я говорю серьезно.

– А почему, желалъ бы я знать? Развѣ ты не можешь написать въ другое время это глупое письмо?

– Отдай письмо, Коффъ; честный человекъ не долженъ отрывать чужихъ тайнъ.

– Какъ? Ты смѣешь меня учить?

– Я говорю только отдай письмо.

– А я говорю: ступай въ лавку.

– Не пойду.

– Такъ ты не пойдешь! вскричалъ Коффъ, засучивая рукава своей куртки.

– Коффъ! Не давать воли рукамъ, или я задамъ тебѣ такого туза... заревѣлъ взбѣшенный Доббинъ, и тутъ же схватилъ свинцовую чернильницу, изъявивъ такимъ образомъ рѣшительную готовность вступить въ отчаянную битву.

Мистеръ Коффъ пріостановился, опустилъ рукава, засунулъ руки въ карманы и, сдѣлавъ кислую гримасу, вышелъ изъ комнаты. Съ этой поры онъ уже никогда не приходилъ въ личное соприкосновеніе съ Доббиномъ, и только позволялъ себѣ издѣваться надъ нимъ изподтишка. Эту сцену глубоко сохранилъ онъ въ своей душѣ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого свиданія, случилось, что мистеръ Коффъ проходилъ мимо Вилльяма Доббина, лежавшаго подъ деревомъ на заднемъ дворѣ и углубленного въ чтеніе «Арабскихъ Ночей», которыми онъ наслаждался всякій разъ, какъ товарищи оставляли его въ покоѣ. Въ этомъ фантастическомъ мірѣ привольно развивались его мысли и чувства, независимо отъ латинской грамматики и математическихъ фигуръ, и на этотъ разъ онъ забылъ, казалось, весь свѣтъ, совершая мысленное путешествіе съ матросомъ Синдбадомъ по Жемчужной Долинѣ. Пронзительный крикъ, раздавшійся въ нѣсколькихъ шагахъ, вывелъ его изъ этой мечтательной страны, гдѣ только-что нашолъ онъ красавицу Перибану съ ея волшебнымъ принцемъ. Доббинъ открылъ глаза, и увидѣлъ передъ собой Коффа, который тузилъ мальчишку.

Мальчишка былъ тотъ самый, что принесъ въ пансіонъ роковую вѣсть о зеленой фурѣ; не Доббинъ не питалъ вражды въ своей душѣ, по крайней мѣрѣ, противъ безсильныхъ малютокъ.

– Какъ ты смѣлъ разбить бутылку? кричалъ Коффъ маленькому пузырю, размахивая надъ нимъ желтой палочкой, употреблявшейся въ игрѣ «криккетъ».

Мальчишкѣ приказано было перелѣзть черезъ заборъ задняго двора, пробѣжать четверть мили до ближайшаго погребка, купить въ долгъ бутылку ананасоваго пунша, и, воротившись назадъ, опять перелѣзть черезъ заборъ на задній дворъ, гдѣ молодые джентльмены продолжали играть въ криккетъ. Перелѣзая черезъ заборъ, юный питомецъ поскользнулся, сорвался, упалъ, и бутылка разбилась въ дребезги; и пуншъ пролился, и панталоны его забрызгались, и онъ предсталъ передъ своего господина со страхомъ и трепетомъ, склонивъ передъ нимъ свою повинную головку.

– Какъ ты смѣлъ, негодный воришка, явиться переда мной въ такомъ видѣ? А! ты вздумалъ попробовать сладенькій пуншъ, и притворился, будто разбилъ бутылку? Я тебя проучу. Протяни свою лапу.

И желтая палочка взвизгнула въ воздухъ, и тяжелый ударъ поразилъ дѣтскую ладонь. Послѣдовалъ ужасный стонъ. Доббинъ бросилъ книгу и поднялъ глаза. Принцъ Перибану прошмыгнулъ въ сокровенную пещеру съ принцемъ Ахметомъ; матросъ Синдбадъ взвился въ облака на волшебныхъ крыльяхъ, и честный Вильямъ Доббинъ увидѣлъ передъ собой явленіе вседневной жизни: большой парень колотилъ малютку безъ всякой видимой причины и безъ достаточнаго основанія.

– Ну, теперь другую лапу, ревелъ Коффъ, хорохорясь передъ мальчишкой, которого лицо страшно корчилось отъ нестерпимой муки.

Доббинъ задрожалъ и съежился въ своей узкой курткѣ.

– Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, маленькой чертѣнокъ! вскричалъ Коффъ, и желтая палочка опять хлопнула по дѣтской ладони.

Еще разъ взвизгнула палка, и Доббинъ быстро вскочилъ съ мѣста. Зачѣмъ и для чего, я не знаю хорошенько. Можетъ-быть, ему жаль стало бѣднаго мальчика, или въ душѣ его возникла мысль помѣрять свой силы съ этимъ школьнымъ буяномъ. Какъ бы то не было, онъ вскочилъ и закричалъ:

– Прочь отсюда! Не смѣй трогать этого ребенка, или я тебя...

– А что ты мнѣ сдѣлаешь, болванъ? спросилъ изумленный Коффъ, остановленный такъ неожиданно въ своей пріятной экзерциціи. Ну, чертѣнокъ, протяни теперь обѣ руки.

– Остановись, Коффъ, или я проучу тебя такъ, что ты всю жизнь не забудешь! вскричалъ Доббинъ, отвѣчая только на первую часть сентенціи Коффа.

Маленькій Осборнъ, задыхаясь и проливая горькія слезы, смотрѣлъ съ величайшимъ изумленіемъ и недоувѣрчивостью на странного богатыря, который съ такою непостижимою смѣлостію вызвался защищать его. Изумленіе Коффа тоже не имѣло никакихъ границъ. Представьте себѣ какого-нибудь великана въ мѣдной бронѣ, готового ополчиться противъ маленького героя, и вы поймете чувствованія Реджинальда Коффа.

– Послѣ класовъ мы раздѣлаемся, сказалъ онъ, бросивъ на своего противника такой взглядъ, который ясно говорилъ: «Сдѣлай свое завѣщаніе, и поспѣши въ этотъ промежутокъ времени проститься съ своими друзьями.»

– Хорошо, быть по твоему, сказалъ Доббинъ. Осборнъ я беру тебя подъ свое покровительство.

– Покорно васъ благодарю, отвѣчала юный джентльмень, повидимому, забывшій на этотъ разъ, что папенька его имѣетъ собственную карету на Россель-Скверѣ.

Наступилъ роковой часъ. Битва, по всѣмъ правиламъ боксированія, должна была производиться на заднемъ дворѣ среди площадки, гдѣ обыкновенно играли въ крикетъ. Никто не сомнѣвался, что кукушка-Доббинъ, не принимавшій почти ни раза дѣятельного участія въ гимнастическихъ упражненіяхъ своихъ товарищей, будетъ побѣжденъ и отступить позорно. Увѣренный въ своихъ силахъ, учоный Коффъ выступилъ на середину, веселый и довольный, какъ-будто собирался танцевать на одномъ изъ баловъ своего отца. Онъ вдругъ подбѣжалъ къ своему противнику и влѣпилъ ему ловкихъ три удара по плечамъ и по груди. Доббинъ зашатался и чуть не упалъ. Площадь огласилась громкими рукоплесканіями; и каждый въ эту минуту готовъ былъ преклонить колѣно передъ героемъ, одержавшимъ побѣду.

– Ну, пропала моя головушка, если все такъ у нихъ пойдетъ, думалъ молодой Осборнъ, подходя къ своему неловкому защитнику. Отстань, братъ, Кукушка, гдѣ тебѣ, да и зачѣмъ? сказалъ онъ мистеру Доббину. И есть изъ чего хлопотать? Какихъ-нибудь два, три бубенчика по ладонямъ: это ничего, Кукушка, право. Я ужъ къ этому привыкъ.

Но Доббинъ, казалось, ничего не слышалъ. Члены его дрожали, ноздри расширились, глаза сверкали необыкновеннымъ блескомъ, и прежде чѣмъ Коффъ успѣлъ насладиться своимъ торжествомъ, онъ разбѣжался и ловкимъ ударомъ всадилъ ему тумакъ на самую середину его римского носа. Къ изумленію всей компаніи, Коффъ пошатнулся и упалъ.

– Молодецкій ударъ, нечего сказать, проговорилъ маленькій Осборнъ тономъ знатока. Ай же, Кукушка! Хорошо, любезный, хорошо.

Битва возобновилась съ новымъ ожесточеніемъ и Доббинъ опять одержалъ блистательную побѣду. Изумленіе зрителей увеличивалось съ минуты на минуту тѣмъ болѣе, что Кукушка-Доббинъ всѣ эволюціи производилъ лѣвою рукою. Наконецъ, послѣ двѣнадцатой сходки, мистеръ Коффъ, повидимому, совершенно потерялъ присутствіе духа и утратилъ способность защищаться; напротивъ, мистеръ Доббинъ былъ непоколебимъ, какъ столбъ, и спокоенъ, какъ квакеръ. Тринадцатая схватка увѣнчалась опять для него блистательнымъ успѣхомъ.

– Баста, лежачого не бьютъ! сказалъ наконецъ Доббинъ, отступая отъ своего противника, валявагося передъ уиккетомъ на зеленой травѣ. Пусть это будетъ для него урокомъ на всякой случай; а ты, Осборнъ, останешься навсегда подъ моимъ покровительствомъ и надзоромъ.

Площадь огласилась крикомъ, и всѣ привѣтствовали побѣдоносного Доббина. Сильный гвалтъ на заднемъ дворѣ пробудилъ, наконецъ, вниманіе самого доктора Свиштеля, и онъ вышелъ изъ своего кабинета развѣдать, что это за суматоха. Одинъ взглядъ на поле битвы объяснилъ ему сущность дѣла. Первымъ его дѣломъ было дать строжайшій выговоръ всѣмъ вообще и каждому порознь; вторымъ приказать принести розги для наказанія Доббина; ули-

чонного въ буйствѣ. Но мистеръ Коффъ, успѣвшій между-тѣмъ подняться на ноги, подошолъ къ доктору Свиштелю, и сказалъ:

– Виновать во всемъ я одинъ, милостивый государь: Доббинъ тутъ въ сторонѣ. Я безвинно колотилъ одного мальчика и Доббинъ только вступился за него.

Этой великодушной рѣчью мистеръ Каффъ не только спасъ своего побѣдителя отъ розогъ; но и возстановилъ совершеннѣйшимъ образомъ свою репутацію въ заведеніи доктора Свиштеля.

Въ этотъ же день, юный Осборнъ отправилъ въ родительскій домъ письмо слѣдующаго содержанія:

5-го марта 18... Мамашенька,

«Надѣюсь, что ты совсѣмъ здорова, милая мамаша, и премного одолжишь меня, если пришлешь сюда круглый пирожокъ съ изюмомъ и пять шиллинговъ, которые мнѣ очень нужны. А у насъ было сраженіе между Коффомъ и Доббиномъ. Ты, вѣдь, знаешь, мамаша, что Коффъ былъ Пѣтухомъ въ нашемъ пансіонѣ. Они схватывались тринадцать разъ и Доббинъ совсѣмъ заклевалъ Коффа. Поэтому онъ будетъ теперь ужъ вторымъ Пѣтухомъ; а первымъ Доббинъ. Они сражались изъ-за меня. Коффъ началъ было куксить меня за то, что я разбилъ у него кружку съ молокомъ, а Доббинъ не выдержалъ и подцѣпилъ его на буксирь. Кукушка, то есть, такъ мы до сихъ поръ называли Доббина, потому-что отецъ его торгуетъ по мелочамъ въ Сити на Великорѣцкой улицѣ. Маменька, ты ужъ прикажи папашѣ закупать чай и сахаръ у его отца, потому-что Кукушка сражался изъ-за меня. Коффъ уѣзжаетъ домой каждую субботу, но нынче не поѣдетъ; потому-что у него сизые голуби подъ обоими глазами. За нимъ пріѣзжаетъ грумъ въ полосатой ливреѣ и приводитъ для него маленькую, бѣлую лошадку Пони. Уговори папашу и для меня купить Пони. а я останусь навсегда

вашимъ покорнѣйшимъ сыномъ,

Джорджъ Седли Осборнъ. «

«P. S. Поцалуй за меня маленькую Эмми. Я вырѣзалъ для нея чудесную колясочку изъ карточной бумаги. «

Послѣ этой побѣды, Вильямъ Доббинъ вдругъ поднялся въ глазахъ своихъ товарищей, и каждый отзывался не иначе какъ съ величайшимъ почтеніемъ о его побѣдѣ. Титуль Кукушки попрежнему остался за нимъ; но это уже было прозваніе, получившее одинаковое значеніе съ Пѣтухомъ.

– Послушайте, братцы, вѣдь если разсудить хорошенько; Доббинъ совсѣмъ не виновать, что его отецъ торгуетъ въ мелочной лавкѣ, сказалъ Джорджъ Осборнъ, да и какая намъ нужда? Пусть его торгуетъ.

– Что правда, то правда, я давно былъ этого мнѣнія; замѣтилъ одинъ изъ школьниковъ, и съ этого времени уже никто не смѣлъ издѣваться надъ Кукушкой.

Съ этою переменною обстоятельствомъ, измѣнились къ-лучшему и душевныя способности Вильяма Доббина. Въ короткое время онъ сдѣлалъ быстрѣйшіе успѣхи. Самъ мистеръ Коффъ, теперь снисходительный и обязательный, помогать ему доискиваться смысла въ латинскихъ стихахъ, объясняя составъ іероглифическаго синтаксиса въ рекреационные часы. Онъ пособилъ ему перебраться изъ низшаго класса въ средній, гдѣ онъ занялъ уже далеко не послѣднее мѣсто. При довольно слабомъ пониманіи древнихъ языковъ, Вильямъ Доббинъ обнаружилъ, однакожь, необыкновенныя способности къ математическимъ наукамъ. Къ общему удовольствію онъ сдѣлался третьимъ ученикомъ по алгебрѣ, и на публичномъ экзаменѣ передъ каникулами получилъ въ подарокъ французскую книгу. Съ какимъ восторгомъ лавочница мать смотрѣла

на своего возлюбленного сына, когда онъ, передъ глазами многочисленной и блистательной публики, принялъ изъ докторскихъ рукъ «Les Aventures de Télémaque» съ надписью: «Domino Gulielmo Dobbino!» Товарищи поздравляли счастлива съ дружескимъ участіемъ, и отъ всего сердца желали ему всѣхъ возможныхъ удовольствій. Въ эти блаженныя минуты КукушкаДоббинъ не видѣлъ земли подъ собою, и споткнулся по крайней мѣрѣ двадцать разъ, прежде чѣмъ окончательно добрался до своего мѣста, Батюшка его, старикъ Доббинъ, впервые получившій теперь высокое мнѣніе о своемъ сынѣ, далъ ему при всѣхъ двѣ гинеи, изъ которыхъ въ тотъ же день юный Доббинъ устроилъ прощальный пиръ для своихъ друзей. Послѣ каникулъ, онъ возвратился въ школу въ блистательномъ фракѣ новѣйшаго фасона.

При всемъ томъ, юноша скромный и застѣнчивый, Вильямъ Доббинъ былъ слишкомъ далекъ отъ мысли, чтобъ приписать собственному генію такую счастливую переменъ въ обстоятельствахъ своей школьной жизни; ему показалось, напротивъ, что всѣми этими благами онъ одолжонъ маленькому Джорджу Осборну, къ которому съ этой поры почувствовалъ безграничную привязанность, возможную только въ фантастическомъ мірѣ волшебныхъ сказокъ. Онъ просто, палъ къ ногамъ маленького Осберна, и полюбилъ его всѣми силами своей души. Еще прежде описанной схватки съ Пѣтухомъ, онъ уже удивлялся Осборну и его блистательнымъ талантамъ. Теперь онъ сдѣлался въ одно и тоже время его покровителемъ, слугой, его Пятницей Робинзона Крузо. Онъ вѣрилъ душевно, что юный Осборнъ владѣетъ всѣми возможными совершенствами тѣла и души, и что нѣтъ подобнаго мальчика въ цѣломъ мірѣ. Онъ дѣлился съ нимъ своими деньгами, покупалъ для него перочинные ножички, карандаши, золотыя печатки, облатки, пѣсенники, романы и богатые иллюстрированныя изданія, гдѣ на заглавныхъ листахъ золотыми буквами надписывалось: «Любезнѣйшему и незабвенному Джорджу Седли Осборну, отъ его искренняго и преданнаго друга.» Всѣ эти подарки Джорджъ принималъ весьма благоклонно, какъ приличную дань своимъ талантамъ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.